

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЮЛЬ — АВГУСТЬ.

о купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленияхъ, — статья дѣйств.	
чл. А. А. Потебни (окончаніе).	145—153
о древнихъ камняхъ — памятникахъ западной руси и подляхіи — статья дѣйств.	
чл. графа К. П. Тышкевича (съ шестью полиптиками см. стр. 192)	154—160
къ русской иконографии, о некоторыхъ произведеніяхъ русской иконописи, находящ. въ западной Европѣ, ст. чл. Н. С. Некрасова	161—164
нумизматическая замѣтка: I. о монетѣ Антимаха Феоса съ именемъ Діодота, ст. дѣйств. чл. В. В. Григорьева	165—168
П. деньга Андрея Ивановича сына Калиты (съ поли- тикамъ) ст. чл. основ. Д. П. Сонцова	168—169
критика: о сочиненіи Богданова,,Матеріалы для антропологіи Курганного пе- ріода московск. губерніи“ ст. дѣйств. чл. А. А. Котляревского	170—176
бібліографія, статьи чл. А. Н. Аѳанасьева, К. К. Гёрца, А. А. Котляревского	176—179
археологическая извѣстія и корреспонденція — статьи: А. Терещенко, чл. гр. А. С. Уварова, П. С. Казанского и др.	180—190

МОСКВА.

1867.

*Académie des Inscriptions et
belles lettres. Comptes rendus
des séances de l'année 1867. Bul-
letin de Janvier et Février 1867.
Paris, August Durand.*

Замѣчательнѣйшія сообщенія, касающіяся области археологіи, въ Январѣ и Февралѣ нынѣшняго года были сдѣланы Парижской Академіи Надписей, въ Президенты которой былъ избранъ на текущій годъ извѣстный археологъ и нумизматъ А. де Лонперрье, слѣдующими лицами: Г. де Ластейри представилъ рисунокъ конскаго удила, хранящагося въ Real Armeria (оружейная палата) въ Мадритѣ. Это удило, чрезвычайно странной формы и очень тяжелое, изъ желѣза, но покрыто ниеллами изъ серебра. Эта металлическая техника была исключительно свойственна варварскимъ народамъ, разрушившимъ римскую имперію. Мадритскій каталогъ вышеозначенного собранія приписываетъ это удило, найденное въ 1836 въ Андалузіи, предпослѣднему готескому королю Виттицѣ. Дѣ монограммы, которыми увенчанъ этотъ предметъ, схожи съ монограммами, находящимися на монетахъ послѣднихъ визиготескихъ королей. Но въ разборѣ ихъ члены Академіи не могли между собою согласиться.—Знаменитый Египтологъ де Ружэ сообщилъ обѣ открытіи папируса, содержащаго въ себѣ новый фрагментъ поэмы Пен-таура, относящейся къ походамъ Рамзеса II.—Г. Ренанъ предложилъ Академіи приступить къ изданію сборника семитическихъ надписей (*corpus inscriptionum semiticarum*). Не говоря о необходимости подобнаго сборника, требуемаго современнымъ состояніемъ науки, подобная задача въ此刻ое время можетъ быть выполнена только такимъ учрежденіемъ, какова Академія Надписей. Мысль этого сборника повидимому принадлежитъ Гг. Ренану, де Сольси, Лонперрье и Ваддингтону. Надписи предполагаютъ издать въ точныхъ снимкахъ, съ транскрипціею, переводомъ и краткимъ комментаріемъ. Академія передала это предложеніе на разсмотрѣніе особой комиссіи.—Г. де Сольси объяснилъ латинскую надпись, недавно открытую въ Баальбекѣ.—Г. Туази представилъ результаты раскопокъ театра Вакха въ Аєинахъ, но бюллетень Академіи, къ сожалѣнію, передаетъ его сообщеніе слишкомъ кратко.—Г. Ленорманъ сообщаетъ неизданную надпись изъ рукописей Фовеля, хранящихся въ публичной Библіотекѣ въ Парижѣ. Изъ этой надписи, сравненной Г. Ленорманомъ съ другою надписью, явствуетъ, что въ древней Греціи существовали чиновники, имеющие хранителями Понта Эвксинского (Εὔξεινοφύλαχε), которые на Босфорскомъ проливѣ, при входѣ въ Понть-Эвксинский, наблюдали за вывозомъ товаровъ, и, вѣроятно, собирали такія же пошлины, которыхъ нынѣ собираются при входѣ въ Зундъ. Изъ портовъ же Чернаго моря вывозилась преимущественно пшеница которую доставляли Скіоны южной Россіи. Эту надпись Г. Ленорманъ хотѣлъ связать съ однимъ до сихъ поръ неразъясненнымъ фактомъ древне-греческой нумизматики, но Академія не согласилась съ его мнѣніемъ.

**Археологические журналы
на 1867 годъ.**

*Philologus. Zeitschrift fr das
klassische Alterthum. Heraus-
gegeben von Ernst von Leutsch.
Fnfundzwanzigsten Bandes er-
stes und zweites Heft. Gttingen,
1867.*

Въ превосходномъ изданіи, нынѣ уже дошедшемъ до двадцать пятаго тома, которое по преимуществу посвящено классической филологии, въ новѣйшее время чаще стали появляться статьи, посвященные археологии классическихъ народовъ древности. Такъ въ двухъ книжкахъ, вышедшихъ въ теченіи нынѣшняго года, продолжается рядъ статей, въ которыхъ Берлинскій профессоръ Бттихеръ объясняетъ много памятниковъ Аєинъ, изслѣдованныхъ имъ во время его пребыванія въ Греціи. (*Ergnzungen zu den letzten Untersuchungen auf der Akropolis zu Athen*) Въ первой статьѣ (съ рисункомъ) объясняетъ большой алтарь Деметры въ Элевзисѣ, во второй—цѣль и назначение Элевзиніона въ Аєинахъ. Профессоръ Герцогъ представилъ дополненія къ напечатанному имъ въ предыдущемъ тому прекрасному обзору новѣйшихъ трудовъ о латинской эпиграфикѣ. Очень интересна также первая статья библіографического обзора всѣхъ важнѣйшихъ путешествій, изслѣдований и открытій, сдѣланныхъ съ 1859 года во всѣхъ странахъ древнаго міра, гдѣ распространена была греческая культура, представленная профессоромъ А. Конце. Само собою разумѣется, что въ этомъ обзорѣ не забыты ни отчеты Императорской Археологической Комиссіи, ни изданныя ею Древности Геродотовой Скиїи.

*Denkmler, Forschungen und
Berichte, als Fortsetzung der
Archologischen Zeitung her-
ausg. geben von Eduard Ger-
hard. 73. Lieferung. Berlin. 1867
Januar, Februar und Mrz. Съ тре-
мя рисунками.*

Послѣдній выпускъ Археологической Газеты, вышедший еще при жизни неутомимаго и знаменитаго издателя ея, профессора Э. Гергарда въ Берлинѣ, котораго слабѣющія силы принудили прибѣгнуть къ посторонней помощи, чтобы въ началѣ года по обыкновенію, представить читателямъ обзоръ археологической дѣятельности за истекшій годъ. Кромѣ этой археологической лѣтописи за 1866 годъ, составленной съ большою добросовѣстностью и точностью съ содѣйствіемъ Проф. Михаэлиса, въ此刻ое время выпускается еще помѣщены слѣдующія замѣчательныя статьи: Проф. Михаэлиса—объясненіе большаго архаического рельефа, открытаго на островѣ Тазосѣ Э. Миллеромъ; Прокешъ-Остена, объясненіе четырехъ неизданныхъ монетъ Аттала I и III и Клеомена III, и любопытная замѣтка о смерти Фидія, профессора Петерсена. Въ Архе-

1962 г.

35 г.

81.

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ

В-371

и сродныхъ съ ними представленияхъ.

[окончание]

Когда небесные явления объяснены земными, то можетъ начаться обратный первому процессъ, объясненія земныхъ явленій, какъ болѣе слабыхъ, менѣе поражающихъ человѣка — небесными, какъ болѣе сильными. Отъ того, что человѣку много разъ случалось самому добывать огонь изъ дерева, появленіе огня не потеряло своей таинственности. Огонь заключенъ въ деревѣ до своего появленія ¹⁾. Откуда же онъ взялся тамъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служило вѣрованіе, что известныя растенія суть воплощенія небеснаго огня, который представлялся послѣднею причиной земнаго. Мысль, не привычная къ напряженіямъ, устаетъ, дошедши до такого объясненія и не спрашиваетъ далѣе: откуда взялся огонь въ самомъ небесномъ деревѣ?

Рядомъ съ вышеупомянутымъ объясненіемъ молніи существуетъ и другое. Молнія падаетъ быстро. Изъ живыхъ существъ человѣку известно только одно, способное къ такой быстротѣ, именно птица, особенно орелъ, соколъ. Поэтому молнія есть орелъ или соколъ. Такое представление соединяется съ предыдущимъ: соколъ гнѣздится на небесномъ деревѣ, и когда оно загорится, уноситъ горящую вѣтку на землю. Эти представления сплетаются съ третимъ: гроза есть борьба силы благотворной и враждебной. Когда соколъ сносить на землю огонь ²⁾, то враждебное существо стрѣлою отбиваетъ у него коготь или вышибаетъ перо изъ крыла. Человѣку известны растенія, своимъ существованіемъ обязанныя птицѣ, т. е. выросшія изъ занесенного ею зерна. Частью тѣ же растенія, частью другія формою листьевъ напоминаютъ перо или крыло, цвѣтомъ сока или яркими красками цвѣтовъ — кровь пущенную раненою птицею, шипами — коготь хищной птицы. Все вмѣстѣ взятое заставляло думать,

¹⁾ Такъ и въ кремнѣ. По выражению загадки — огонь спить въ камнѣ. (Даль, 1065).

²⁾ И небесный напитокъ, о которомъ теперь говорить не будемъ.

что извѣстныя растенія произошли изъ небеснаго огня, объявшаго вѣтку небеснаго дерева и изъ пера, крыла, крови, когтя птицы, принесшей этотъ огонь на землю. Такъ, по индійскому вѣрованію, дерево парнѣа (собств. листъ и крыло) родилось изъ сокольяго крыла или пера, упавшаго на землю и ставшаго листомъ. Цвѣты и соць этого растенія красны, потому что красно мясо (Kuhn, Негабкунт des Feuers etc 192). Такъ растенія, изъ коихъ добывался огонь, Сами (*acacia summa*—дерево съ перистыми листьями) и выросшее на немъ асваттха (*ficus religiosa*) произошли: первое, служащее какъ бы сосудомъ второму,—изъ сосуда, въ коемъ Гандхарвы принесли на землю небесный огонь, а второе—изъ самаго этого огня (ib. 193). Болѣе подробныя подтвержденія вышеизложенныхъ положеній можно найти у Куна. Я приведу только доказательства того, что явственные слѣды миѳовъ и связи извѣстныхъ растеній съ небеснымъ огнемъ остались и у Славянъ.

Омела, Поль. јеміоѣа, Чеш. *jmelí, jmel*, Серб. јмелa, мела, *viscum album* (= Скр. а-мала, безъ пятенъ, чистый, свѣтлый). «На којој би се ліјесци нашла мела, подъ ономъ ліјескомъ има гуја с драгим каменомъ на глави, или још Богъ зна каково друго благо поредъ ње. Тако призовиједају: јер се мела ријетко налази на лијесци». (Кар. Рјечн. мела). Есть подобное нѣмецкое повѣрье: подъ лѣшиною, на которой ростетъ омела (*asagium europaicum*), лежитъ бѣлая змѣя, стерегущая кладъ. Змѣю эту, полагаетъ Кунъ, можно сблизить со змѣемъ, лежащимъ подъ однимъ изъ корней всемирного ясения (Herabk. 228). Въ такомъ случаѣ орѣшникъ съ выросшемъ на немъ омелою будетъ изображеніемъ всемирного дерева, которое, слѣдуетъ думать, представлялось обвитымъ чужеядными растеніями. Сверхъ того кладъ подъ лѣшиною съ омелою указываетъ на то, что оба растенія были воплощеніемъ небеснаго огня, громовой стрѣлы. Кладъ, какъ извѣстно, есть огонь, потому что горитъ пламенемъ бѣлымъ, краснымъ, желтымъ, смотря по металлу. По польскому разсказу, каждая попытка одной пани взять горсть золота изъ клада ведетъ за собой пожаръ въ одномъ изъ ея селъ ((Siemień. Pod. 69). Кладъ есть именно небесный огонь. Какъ клады появляются на поверхности земли только въ извѣстные сроки, наприм. разъ въ семь лѣтъ, такъ и громовая стрѣла (*strzała rionowa, kulička hromová*), убивши черта, уходитъ въ землю и остается тамъ три года (Русс.) или семь лѣтъ (Поль. Чеш.). Ее можно найти только тогда, когда она выйдетъ на поверхность земли по истечениіи этого времени (Абевега 172, Houška III, 182; Gořebiowski; Lud Połski 151). Сама по себѣ омела есть воплощеніе громовой стрѣлы, по крайней мѣрѣ по Германскимъ повѣрьямъ. Въ Швейцаріи омела называется *doppeг-bezen*. Въ Швеціи ее держать по домамъ, какъ предохранительное средство отъ всякихъ бѣдъ, особенно отъ пожара, какъ въ Чехахъ — громовую стрѣлу. У разныхъ Германскихъ племенъ и у древнихъ Римлянъ омелѣ приписывались и приписываются цѣлебныя свойства, подобно тому какъ у Славянъ — громовой стрѣлѣ, водѣ, которою она обмыта, дождю выпавшему при громѣ или въ праздникъ громового божества (на Ильинъ день) (Абев. 162; Houška III, 332; Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45; Терещ. V, 14). Что Германцы приписывали омелѣ и разрушительную силу громовой стрѣлы, видно изъ миѳа о смерти Бальдера отъ вѣтки омели (Kuhn, Негабк. 231 слѣд.).

Лѣщина (орѣшникъ. См. Kuhn, Herabk. hasel и wünschelruthe). Чеш. повѣрье: въ первое воскресеніе по рожденіи мѣсяца (о поноу neděli), до восхода солнца, во имя О. и С. и Св. Д., съ трехъ разъ отрѣзать новымъ ножемъ вѣтку лѣщины (bile lisky), при чёмъ браться за нее рукою, обернутою бѣлымъ платкомъ. Если такую вѣтку окрестить, давши ей имя первого изъ трехъ царей (волхвовъ), Каспара, то она служить для копанія золота; другая, съ именемъ Бальтазара — для серебра; третья съ именемъ Мелихара — для отысканія скрытыхъ водяныхъ источниковъ Houška Pověru, ib. II, 533). Волшебная вѣтка указываетъ на кладъ, наклоняясь въ ту сторону, гдѣ онъ лежитъ (Iic 125. Иличъ зналъ въ Пожегѣ искателя кладовъ, у коего были двѣ такія вѣтки). Объясняется это слѣдующимъ. У Германскихъ племенъ волшебная вѣтка (wünschelruthe) дѣлается изъ растеній, въ коихъ воплотился небесный огонь: изъ рябины, выросшей на другомъ деревѣ изъ занесенного птицею зерна, изъ омелы, терновника, орѣшника. Она не только указываетъ на клады и исполняетъ всѣ желанія обладателя, но, что особенно важно, подобно разрывѣ-травѣ (см. ниже), ломаетъ двери и запоры, разрываетъ скалы, въ коихъ скрыть кладъ. Послѣдній признакъ отождествляетъ ее съ громовою стрѣлою. Изъ Индо-европейскаго представленія тучи — горою и скалою, а солнечнаго свѣта золотомъ, возникло вѣрованіе, что вѣтка, какъ воплощеніе и замѣна Перуна, разсѣкающаго тучу, ломаетъ скалы и отрываетъ сокровища. Изъ другаго представленія тучи колодцемъ или источникомъ произошло повѣрье, что волшебная вѣтка, какъ Перунъ освобождающій заключенные небесныя воды, показываетъ скрытые источники. По Нѣмецкому повѣрью, орѣшникъ (hasel) прогоняетъ змѣй, потому что туча, съ коею борется громовое божество, есть змѣй, а земныя мелкія змѣи произошли отъ великаго небеснаго. Съ этимъ сродно то, что у Хорватовъ — въ середу, четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ дѣти ходятъ къ вечернѣ съ вѣтками лѣщины «Ируда туhi» или «коризму ѡерати», т. е. прогонять посты (Iic 121). Баба коризма (Quadragesima) есть существо тождественное съ мареною и враждебное грому, подобно змѣю. Какъ всѣ замѣны Перуна, вѣтка орѣшника (по Нѣм. пов.) предохраняетъ отъ громового удара. Въ млр. разсказѣ (Siemien. Pod. и Leg. 118. Ср. Зап. о Ю. Р. II, 40) вѣтка лѣщины является въ рукахъ знахаря символомъ его власти надъ градомъ, градъ замѣнилъ здѣсь грозу (Kuhn, Herabk. 215), на что указываетъ какъ то, что лѣщина первоначально имѣть отношеніе къ небесному огню, а не ко граду, такъ и то, что въ упомянутомъ разсказѣ знахарь упрекаетъ всадника на сѣромъ конѣ — представленіе грознаго божества, посылающаго градъ — «почему ты не пришелъ ко мнѣ въ гости на Купала?» Конечно, онъ не сталъ бы приглашать къ себѣ въ гости града, но посѣщеніе людей огнемъ (Агни, Индра) — черта очень обыкновенная. — Крещеніе волшебной вѣтки въ Чеш. повѣрьи свидѣтельствуетъ, что и у Славянъ, какъ у Германцевъ, божеству, воплощенному въ ней, приписывалась человѣкообразная форма. Такъ въ Ведахъ, тожественные съ волшебною вѣткой, по происхожденію, куски дерева, изъ коихъ добывался огонь, представляются мужемъ и женой, отъ совокупленія коихъ рождается огонь.

Основанія сближенія лѣщины съ небеснымъ огнемъ заключаются не только въ томъ, что на ней ростеть омела, но и въ ея плодахъ, орѣахъ, напоминающихъ громовой камень (Чеш. *hromovou kuličku*) и въ Слав. Герм., повѣрьяхъ имѣющихъ явственное отношеніе къ грому.

Дубъ считался воплощеніемъ Перуна и у Грек. Рим. Герм. употреблялся для добыванія огня по тѣмъ же причинамъ: и на немъ ростеть омела; жолуди напоминаютъ громовой камень и повѣрьями приводятся въ связь съ громомъ; сверхъ того могъ приниматься въ соображеніе и красный цвѣтъ дубовой коры (Kuhn Herabk. 47). Славянскихъ свидѣтельствъ обѣ отношеніи дуба ко грому мало. По Сахарову, въ Туль. губ. на Ильинъ день искали старыхъ дубовъ, при которыхъ вытекали бы ключи. Съ такихъ дубовъ сдирали кору, вымачивали ее въ ключевой водѣ, потомъ привѣшивали себѣ на ладонки, въ предохраненіе отъ зубной боли (Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45). Возможно, что Серб. Грм, родъ дуба и кустарникъ, одного происхожденія съ громъ. Миклошичъ сближаетъ Сл. Грѣмъ, кустъ, съ Лит. *kruomas*, кустъ, кустарникъ, заросль; но это послѣднее слово = поль. *krew*, Чеш. *krov* (гдѣ въ м. м., какъ въ червь = Лит. *kirmis*) которыхъ нельзя отдѣлить отъ Поль. *kierz*, кустъ. Русс. коръ, корень; между тѣмъ согласные зв. слова громъ остаются неизмѣнными и въ Лит. *gromti*, *gumēnti*, гремѣть. Вѣроятно, что Серб. Грм и Лит. *kruomas* не имѣютъ ничего общаго. По Бр. загадкѣ, всемирное дерево есть именно дубъ, а на немъ солнце сидитъ птицею: «стоить дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница, никто ея не поймаеть, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица» (Даль, Посл. 1060).

Папороть (см. Kuhn, Herabk. *farnkraut*, *farnsamen*). Найболѣе близко къ основной формѣ Слав. слова—Литов. *paapartis* (м. р.), съ тѣмъ же значеніемъ; Сл. папороть заключаетъ въ себѣ удвоеніе того-же корня, отъ которого перо, и значитъ собств. перо, крыло, судя по Бр. обл. папоротокъ, птичье крыло. Тоже основное значеніе въ Слов. *regasena*, папороть, Мадяр. (заимствованное отъ Слав.) *regje*, id., Нѣм. *farn*, id (= Скр. парна, перо, крыло и назв. вышеупомянутаго дерева), Греч. *πτέρυς*, id (по Куну, это старинная женская форма при *πτερόν*, крыло). «По очень распространенному повѣрю, говоритъ Кунъ, въ горизонтальномъ разрѣзѣ стебля одной изъ породъ папоротника (*pteris aquilina*, *adlersfarnkraut*) видна фигура орла. Это и на самомъ дѣлѣ не лишено нѣкотораго основанія. Видѣ всего этого растенія о двухъ большихъ перистыхъ листахъ долженъ былъ напоминать птицу, тѣмъ болѣе, что ростки этого раст., только что вышедши изъ земли, покрыты пухомъ, подобно недавно вылупившимся птенцамъ». Таковы реальные основанія вѣрованія, что папороть есть воплощеніе птицы, принесшей огонь, а тѣмъ самымъ и самого небеснаго огня, вѣрованья, которымъ объясняются всѣ миѳическія свойства папороти.

Въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, огненныхъ или громовыхъ растеніяхъ цвѣтокъ цвѣтомъ напоминаль огонь; того-же ожидали и отъ папороти. Человѣкъ не могъ помириться съ мыслью, что это растеніе не цвѣтетъ, подобно тому, какъ онъ, подъ вліяніемъ предвзятой мысли, не вѣрилъ тому, что у змѣи нѣтъ ногъ. У змѣи, думалъ

онъ, есть ноги, но она ихъ прячеть¹⁾; у папороти есть роскошный цвѣтокъ, но трудно его увидѣть. Такъ слѣдуетъ понимать Mr. «папороть цвѣте безъ усякого цвѣту» и др. подобныя выраженія пѣсенъ и загадокъ. Папороть цвѣтеть въ полночь подъ Ивановъ день. Изъ широколистаго папоротника подымается свѣтлая цвѣточная почка; она движется и прыгаетъ, какъ по Нѣм. повѣрю жолтый цвѣтъ разрывъ-травы, растущій между папоротникомъ и цвѣтущій въ ту же ночь (Kuhn, Herabk. 218). Иные слышатъ при этомъ щебетанье, что объясняется, родствомъ папороти съ птицею. Въ полночь почка съ трескомъ разрывается и распускается огненный цвѣтокъ; невыносимый блескъ его освѣщаетъ все далеко вокругъ (Ter. V, 88 — 9). По Войцицкому, цвѣтеніе папороти сопровождается землетрясеніемъ, громовыми ударами, ослѣпительными молніями. Все это, равно какъ и трескъ, съ которымъ распускается цвѣтокъ папороти, объясняется тождествомъ папороти съ Перуномъ. Въ силу этого тождества папороть предохраняетъ отъ громового удара, (Kuhn, Die Herabk. 222), подобно тому, какъ по Чеш. пов. растенія netřesk = hromotřes (безъ к на концѣ) (hauslaub) и hromové koření (Houška II, 547). Наоборотъ, это тождество можетъ давать растенію силу наводить грозу. На лугахъ есть такія растенія, что если скосить ихъ, то неминуемо слѣдуетъ дождь и буря (Wojc. Pies. II, 217).

Нечистая сила въ разныхъ видахъ и разными голосами старается испугать смѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти. Если онъ испугается, цвѣтокъ для него потерянъ. Черти здѣсь замѣняютъ враговъ громового божества, змѣевъ. Въ одной сказкѣ чортъ говоритъ: я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на царскую дочь. Они сосутъ у нея груди. А вылечить ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ (= цвѣтъ папороти). Это такой цвѣтъ, что когда цвѣтеть, море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня. Черти его боятся (Аѳ. ск. V, 55—6). Сосанье грудей приписывается змѣямъ, а обладатель жаръ-цвѣта, обыкновенного и у Герм. представлениія громовой стрѣлы, есть громовое божество. О свойствѣ папороти прогонять земныхъ змѣй см. Kuhn, Herabk. 220. На тоже свойство указываютъ два Русскія названія растеній: звѣробой. Имя это носятъ многія растенія, между прочимъ, изъ болѣе известныхъ,—желтоголовникъ, Mr. горицвѣтъ (кажется *caltha palustris*), коровьякъ или царскій скипетръ, царская свѣча (*verbasum thapsus*), и особенно Купальское раст. *hypericum perforatum*, (Поль. świętojańskie ziele, собираемое въ полдень на Ивана Купала, Нѣм. johanniskraut). Оно напоминаетъ огонь не только желтыми цвѣтами (какъ и два первыя раст.), но и темно-оранжевымъ цвѣтомъ сока цвѣточныхъ лепестковъ, отъ которыхъ растеніе это получило название Чеш. krevníček (*flores hyperici*) Mr.

¹⁾ Серб. «Крује као гуја ноге». Приповиједа се, да гуја има ноге, које само онда покаже, кад се у процијену (*forseps ligulans*, расколотая на концѣ палка) припече к ватри; али ко их го ћ види, онай мора одмахъ умријети (Кар. Посл. 161). Замѣчательно сходство начала Серб. ск. Немушти језик съ слѣд. приключеніемъ Нала: онъ находитъ царя змѣй, по им. Каркѣ така-с (Ср. это имя, съ Скр. карката ракъ и замѣну змѣя ракомъ въ сказкахъ. Мое соч. О ми. зн. иѣкот. обр. 207—9), окруженнаго огнемъ. Змѣй этотъ, вслѣдствіе проклятія пустынника Нарады (Нарада—с), лишенъ употребленія ногъ и принужденъ оставаться въ огњу, пока не выручить его Налъ. Налъ выносить его изъ огня, и змѣй отслуживаетъ ему за это.

заяча крівця (почему заяча?). З вѣробой значить бьющій волка, а волкъ (звѣрь по преимуществу) въ миоич. отношеніи есть синонимъ змѣя. Чертополохъ (пугающій чертей) отнесенъ къ тому-же разряду растеній вѣроятно за широкія листья (какъ Инд. парна) и за красные цвѣты. Сила его такова, что человѣкъ спасается отъ преслѣдованія чертей, ставши на мѣстѣ поросшемъ чертополохомъ и бросая въ чертей шишками этого растенія. По другому повѣрю, вилочками пришибливаютъ чертополохъ къ землѣ, говоря: если сгонишь червей съ моей скотины, то отпущу тебя (Ter. V, 93). Черви тоже враждебная сила, такъ какъ болѣзни вообще съ родни темнымъ силамъ, и такъ можно предположить, что большинство купальскихъ растеній имѣютъ одно и тоже миоич. значеніе, то понятно, почему зельямъ, собраннымъ на Купала, приписываются цѣлебныя свойства.

Цвѣть папоротника показываетъ своему обладателю, какъ цвѣтутъ въ землѣ клады. Послѣ сказанного выше о волшебной вѣткѣ это не потребуетъ объясненія. Прибавлю еще чеш. пов.: кто достанетъ цвѣтокъ мочерака (*květ byliny močeraka*), которая цвѣтеть синимъ цвѣткомъ разъ въ семь лѣтъ (какъ громовая стрѣла и кладъ выходитъ на поверхность земли черезъ семь лѣтъ), тотъ можетъ превращать простые металлы въ золото (Houška III, 331). Вѣроятно такова же чудесная сила миоической золотой метлицы (*zlatá metlice*), которая выростаетъ разъ въ году, но неизвѣстно когда именно, на многихъ горахъ напр. у Доможлицъ, у Пльзни, и вскорѣ потомъ исчезаетъ (Houška III, 328).

Цвѣту папоротника приписываются свойства разрывъ-травы (Ter. V, 88). По нѣм. пов. эта послѣдняя (*springwurzel, johannis wurzel*) есть ни что иное, какъ корень папоротника (*filix mas*). Тождественность папоротника и разрывъ-травы видна между прочимъ изъ Вр. повѣрья, что разрывъ-трава достается только тому, у кого уже есть цвѣть папоротника и корень плакуна (Сах. Ск. Р. Н. I, 2, 43, 4). Разрывъ-трава разрываетъ запоры, почему ее ищутъ воры и искатели кладовъ. Коса, напавши на нее, ломается (Ter. V, 92); если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нее, то пута отпадутъ (Абевега, разрывъ-). тоже говорять у Сербовъ о травѣ *ráskovníkъ*. Одинъ Земунскій купецъ надѣлъ на бабу желѣзныя пута (вѣроятно предполагая, что она знахарка) и пустилъ ее по полю: гдѣ отпадутъ пута, тамъ расковникъ (Рјечн.). По повѣрю, очень распространенному въ западной Европѣ, у дятла, одной изъ птицъ поджигающихъ дома, т. е. сносящихъ съ неба огонь, есть камень, имѣющій свойства разрывъ-травы (Kuhn, Negabk 219). По Чеш. пов. *Sojka* (кедровка, сѣрокрасноватая перья на тѣлѣ и голубые на крыльяхъ), увидѣвшіи человѣка кричитъ и ведетъ его къ своему гнѣзду, гдѣ у нея есть камышекъ (*sojci kamínek*), при помощи коего можно находить скрытые въ землѣ клады. Иначе: кто найдетъ гнѣздо сойки съ яйцами или птенцами, тому слѣдуетъ молча обвязать это гнѣздо новымъ бѣлымъ платкомъ, такъ чтобы оба узла приходились противъ отверстія. Сойка прилетѣвши, выпустить изо рта свой камень, чтобы развязать узлы (Sumlork I, 111—12). Слѣдовало бы ожидать, что камень (то есть громовой, приносимый птицею и тождественный по значенію съ разрывъ-травою) своимъ прикосновеніемъ разрываетъ узлы.

Названія разрывъ-травы: скакунъ и прыгунъ (Абев. Сах.) объясняются нѣм. повѣрьемъ, что огненный цвѣтокъ разрывъ-травы, разцвѣтающій въ ночь на Купала, не стоитъ на мѣстѣ, а прыгаетъ.

Другая трава, необходимая для обладанія разрывъ-травою — плакунъ. Корень ея копаютъ утреннею зарею на Ивановъ день, безъ желѣза (тоже у Герм. обѣ омелѣ и рябинѣ); онъ прогоняетъ нечистую силу, какъ и папороть и т. п. По названію, происходящему отъ того, что онъ плачетъ и воетъ (когда его вырываютъ изъ земли, какъ мандрагора, (Gr. Myth. 1053 сл. Kuhn, Herabk. Mandragora) или и въ другое время?), плакунъ тождественъ съ растеніемъ, называемымъ ревенька. Оно ростетъ подлѣ воды и въ водѣ, вышиною отъ полу- до трехъ четвертей аршина, цвѣтеть красновато; стонетъ и реветъ по ночамъ. Кто хочетъ хорошо плавать и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки (Тер. V, 91). Съ этимъ послѣднимъ ср. слѣдующее: когда сломится коса, попавши на разрывъ-траву, то чтобы узнать какая именно трава есть разрывъ, слѣдуетъ бросить все склоненное за послѣднимъ взмахомъ въ воду: какая трава всплыветъ, та и есть разрывъ-трава (ib 92—3). Миѳическая основанія этого могутъ быть тѣ самыя, по которымъ вѣдьма не тонетъ. — По Mr. пов. вехъ, болотная ядовитая трава (кажется cicuta) «якъ сонце пригрѣе, то й застогне». Стонъ этихъ растеній есть конечно громъ, тѣмъ болѣе, что стонъ мандрагоры убиваетъ человѣка. Гроза стонетъ: «Ношь стонущи ему грозою птичъ убуди» (Сл. о П.); Самый корень слова стонать имѣеть и значеніе грома: Скр. Стାନ-ати стенать, Греч. στέουσθαι, стан-а-ја-ти гремѣть, Лат. tonare; отсюда же tonitrua и thunus. Относительно связи плакуна съ другими громовыми растеніями ср. то замѣчательное обстоятельство, что луговой звѣробой (*hypericum arctagum*) иначе называемый также плакуномъ.

Цвѣть (Сах. Терещ.), а у нѣмцевъ сѣмя папортника дѣлаетъ невидимкою, что Кунъ объясняетъ такимъ образомъ: какъ въ шапкѣ невидимкѣ (nebelkarre) можно явственно распознать облако скрывающее Бога и его спутниковъ, такъ и растенію происходящему изъ облака приписывается свойство этого послѣдняго (222). Къ сказанному выше о сходствѣ папороти и чертополоха въ свойствѣ прогонять чертей здѣсь прибавимъ, что породамъ чертополоха приписываются и свойства шапки невидимки: кто хочетъ воровать ночью, чтобы даже собаки не лаяли, тотъ долженъ носить съ собою лопушокъ (Тер. V, 93). Какъ выше разрывъ-травѣ соотвѣтствовалъ soj  каміnek, такъ здѣсь цвѣту дѣлающему невидимкой — камень невидимка. Чижъ вѣтъ гнѣздо подъ водою. Кто хочетъ найти это гнѣздо, пусть смотритъ въ воду: иначе его не увидить, потому что въ немъ есть камень (сѣжкѣ каміnek), дѣлающей его невидимымъ. И кто носить этотъ камень при себѣ, тотъ становится невидимкой (Sumlork. I, 112).

Есть Хорв. повѣрье, встрѣчаемое и у Mr. и другихъ Славянъ, что у кого есть сѣмя папороти, тотъ знаетъ все и разумѣеть языкъ всякой твари (Плѣ 167 — 8). Объясненія можно искать въ томъ, что первоначальный обладатель папороти, т. е. Перуна, есть божество, или въ связи представленій грома, рѣчи и мудрости.

Такъ какъ огонь молніи зажигается по вышесказанному, такимъ же образомъ, какъ и огонь солнца, то а priori можно ожидать связи между громовыми растеніями и солнцемъ. И дѣйствительно есть ясныя, хотя и довольно скучные указанія на эту связь. У Лужичанъ папороть цвѣтеть въ полдень на Купала (Напиš, kalend. 183). У Хорутанъ папороть называется Sunčec и разцвѣтаетъ, когда солнце побѣдить чорнаго волка (Срезнв. обѣ обож. солнца 45). По нѣмецкому повѣрю, если въ солноворотъ въ самый полдень выстрѣлить въ солнце, то кануть три капли крови, и они то и есть папоротное сѣмя (farnsamen. Kuhn, Herabk, 221).

Верба. Что верба принадлежить къ одному разряду съ папортю и т. п. видно изъ того, что у Хор. зеленыя вѣтки (вербовыя), освященные въ вербное воскресенье, сохраняются въ домахъ, для предохраненія отъ громоваго удара (Jlić 121), а у Чеховъ косі́цку (Мр. Бруньки) и вѣтки священой вербы бросаютъ въ огонь во время грозы (Напиš, Kalen. 106). То же основное значение (Перуна) имѣть верба и въ слѣдующихъ обрядахъ:

Въ Mr., кто проспить заутреню въ вербное воскресенье, того быть свяченою вербою приговаривая: Не я бью, верба бъє, за тиждень великдень, будь високъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода, а богатъ, якъ земля.

Въ Бр. вмѣсто 3-хъ послѣднихъ стиховъ, говорять: «хира (= болѣзнь) въ лѣсь, здоровье въ косци» (Тер. VI, 85). Нѣть никакого основанія желать всякаго добра особенно тѣмъ, которые проспали заутреню; это позднѣйшая прибавка, которая стала возможна только тогда, когда на стеганье вербою стали смотрѣть, какъ на наказаніе. Въ Чехахъ тотъ же обычай имѣлъ мѣсто на 2-й и 3-й день свѣтлаго праздника, когда парни и дѣвочки ходятъ по домамъ «*s pomlazkou*». *Pomlazka* есть вербовая вѣтка, или хлыстъ, сплетенный изъ нѣсколькихъ вербовыхъ или иловыхъ прутьевъ, винныхъ лозъ (откуда *vinovacka*), мѣстами даже изъ ремней или жилъ, и украшенный пестрыми лентами и т. п. Помлазкою бываютъ другъ друга — на счастье, парни дѣвицъ — въ знакъ любви; ходящіе по домамъ «*s pomlazkou*» — хозяевъ — чтобы у нихъ велся скотъ. Хозяеваемъ при этомъ обѣщаютъ: *budete mít co vyhánět ze dvora: z maštaJe — hřibátko, a z chlívU — telátko, a z toho najmeňšího chlívka Jehnátko* (Sumlork II, 12 вып. 33 — 43; Erb. písne 61 слѣд.; Напиš, Kalend. 123). Въ Бр. день Св. Георгія (23 Апр.) считается обычнымъ временемъ, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, именно свяченою вербою, сохраненною отъ вербнаго воскресенья. Иногда выгоняютъ скотъ и раньше, но въ этотъ день служатъ молебны Св. Георгію (извѣстной замѣнѣ громоваго божества) и просить его пасти скотъ и оберегать его отъ звѣря (Тер. VI, 38. Діевъ, въ И. Об. И. и Др. 1846, кн. 2). Обычай выгонять на Юрья скотъ свяченою вербою есть и въ Mr. Тамъ же мѣстами въ этотъ день втыкаютъ въ хлѣвахъ вѣтки свяченой вербы и страстныя свѣчи, чтобы отогнать нечистую силу и вѣдьмъ, (Тер. VI 29, 30). Во всей южной и западной Руси угощаютъ въ этотъ день пастуховъ (ib.). У Сербовъ и Хорватовъ на Юрьевъ день многія хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала сосѣднихъ коровъ, потомъ своихъ, съ тѣмъ чтобы молоко перешло отъ первыхъ къ послѣднимъ. Хорошая хозяйка въ этотъ день сама выго-

няеть своихъ коровъ за село, чтобы соседка не отобрала у нихъ молока (Пис 127). У Чеховъ пастушій праздникъ (*Kravské hody*, коровій праздникъ) прежде справлялся повсемѣстно 1 мая, а теперь мѣстами перенесенъ на послѣ Троицы. Сравниваютъ навозъ на гноищѣ и утыкаютъ его зелеными вѣтками; рога и шеи коровъ украшаютъ зеленою. На разсвѣтѣ кормятъ коровъ разными травами, въ числѣ коихъ есть петѣск, окуриваютъ ихъ и выгоняютъ въ стадо метлою (помеломъ), свяченую вербою или зеленою вѣткою изъ тѣхъ, которыми было убрано гноище. Уже около 9-ти часовъ дѣвки гонятъ коровъ домой, при чемъ поютъ тѣ-же пѣсни и такъ же бываютъ вѣткою встрѣчныхъ мужчинъ, особенно своихъ милыхъ, какъ и на свѣтлый праздникъ (о *pomlázce velkoposnѣ*). По полудни коровницы и дѣти, выгоняющія скотъ, устраиваютъ угощеніе изъ припасовъ, собранныхъ отъ хозяекъ наканунѣ. На этомъ ширу коровницы играютъ главную роль; на этотъ разъ онѣ выбираютъ себѣ танцовъ, а не наоборотъ (*Sumlork II, 393*). Исторія этихъ обрядовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Слово *pomlázka* (ср. Серб. млаз, струя молока, выдаиваемая за разъ, отъ кор. млѣз, Скр. мардж со знач. доить) значитъ вѣроятно: то что дѣлаетъ коровъ молочными. Во всякомъ случаѣ это слово показываетъ, что вѣткою били первоначально коровъ. Первообразомъ этого служило вѣрованье, что громовое божество (у Инд. Индра, называемый отъ этого *gōhan*, доящій) своимъ оружіемъ доитъ небесныхъ коровъ, отъ чего на землѣ дождь. Дождь представлялся и небеснымъ напиткомъ, а потому о помлазкѣ поютъ: «*proutek se otočí, korbel piva natočí*», съ чѣмъ сравни слова изъ пѣсни «на *smrt nou nedělí*»: *Svatý Petr hřímá, natočí nám vina*. Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за тѣмъ вѣтка, какъ воплощеніе Перуна, стала средствомъ давать «богатство» землѣ, которая, какъ и туча, представляется коровою (ср. Скр. *gō*, илѣ). Отсюда мысль легко перешла къ плодородію женъ, чѣмъ объясняется любовное значеніе стеганья вѣткою, и къ довольству, счастію вообще. Индійскій обрядъ, соотвѣтствующій помлазкѣ и, косвенно, Mr. обычаю быть вербою состоять, въ томъ, что жрецъ, чтобы получить молоко, годное для жертвы, отлучаетъ отъ коровъ телятъ, выгоняя ихъ на пашу вѣткою сами или парна (см. выше), срѣзанную съ извѣстными обрядами. Тою-же вѣткою бьеть онѣ одну изъ коровъ, вмѣсто всѣхъ, говоря при этомъ между прочимъ: «умножайте долю» (т. е. долю молока, приносимаго Индрѣ). По традиціональному объясненію, вѣтка эта есть само божество, такъ какъ она есть воплощеніе того священнаго стихотворнаго размѣра *gājatrī*, который въ видѣ сокола снесъ на землю божественный напитокъ. Въ Германіи и Швеціи, давая имя коровамъ, бьуть ихъ вѣткою рябины или другихъ огненныхъ растеній, что имѣеть мѣсто тогда, когда начинаютъ доить коровъ трижды въ день. Этотъ обрядъ въ Вестфаліи называется *quiken*, т. е. дѣлать (коровъ) сильными, свѣжими, давать имъ новую жизнь (*Kuhn Herabk. 181*).

2 Генв. 1866.

А. Потебня.

О ДРЕВНИХЪ КАМНЯХЪ-ПАМЯТ- НИКАХЪ

ЗАПАДНОЙ РУСИ И ПОДЛЯХИ.

Въ древнейшей Славянской цивилизациі, когда еще не знали желѣза, а искусство плавить бронзу составляло тайну, потребность созидать вѣковѣчные памятники, столь сильно занимавшая мысль древнихъ, — удовлетворялась тѣмъ, что высѣкали надписи на самородныхъ камняхъ, по самой природѣ отличавшихся рѣзкюю формою. Подобными камнями владѣтельные князья на Руси обозначали предѣлы своихъ владѣній; ими увѣковѣчивали они надгробные памятники, предавали безсмертію особенно важныя событія своего княженія. По примѣру князей и знатнейшіе люди въ странѣ обозначали также подобными камнями границы своихъ земель. Наконецъ, простой народъ выбиралъ такие же камни, чаше всего залегавшіе по берегамъ рѣкъ, и обдѣлывалъ ихъ въ форму креста, либо изсѣкалъ на нихъ крестное изображеніе, дѣлая это какъ-бы въ память распространявшагося на Руси христіанства, въ которое обращали народъ массами, крестя его сначала, вѣроятно, водою, текущую въ рѣкахъ, — какъ это дѣжалось въ сосѣдней Литвѣ при обращеніи въ христіанскую религию.

Съ историческими перемѣнами судьбы этого края, съ перерожденіемъ народныхъ понятій, и этотъ обычай упалъ: время, проходившее среди общественныхъ преобразованій, совсѣмъ истребило одни изъ такихъ памятниковъ, другие же, разбросанные по лѣсамъ и по болотамъ, покрылись вѣковою плесенью, подъ слоемъ которой скрывается, быть можетъ, еще одна важная историческая тайна.

Когда пришли въ забвеніе каменные памятники, когда утратилась память ихъ исторического значенія, — уцѣлѣвшіе ихъ остатки породили много преданій, легендъ, которыя простой народъ творилъ въ свое мѣсто поэтическомъ воображеніи и передавалъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Исполнивъ свое историческое назначеніе, переживъ самихъ себя, памятники эти ветшали въ забвеніи и, чужды живой исторіи, вошли въ область археологии. Въ теченіи многихъ вѣковъ они не обращали на себя вниманія ученыхъ: хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ XVI еще столѣтіи упоминаютъ лѣтописи, однакожъ эти упоминанія проходили даромъ — и едва на долю нашего поколѣнія выпала обязанность разыскивать ихъ и оцѣнивать ихъ вѣковое достоинство.

Въ западномъ краѣ находятся мѣстами разбросанные подобные камни; изъ числа ихъ намъ извѣстны два граничные камня Бориса въ Западной Руси, — пять камней въ Подлясьѣ и еще нѣсколько находящихся по берегамъ нашихъ рѣкъ.

Въ 1846 году, когда я собиралъ материалы для исторіи Борисовскаго уѣзда и повѣрялъ таковые на мѣстѣ, то о Борисовомъ граничномъ камнѣ, вѣрное изображеніе котораго приложено было пок. П. И. Кеппеномъ къ его статьѣ «о Рогволодовомъ камнѣ» (Ученые Записки Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отд. т. 3-й Спб. 1855, стр. 59—69), собралъ я слѣдующія свѣдѣнія: «камень лежитъ на старомъ московскомъ трактѣ въ Могилевской губерніи, между мѣстечкомъ Кохановомъ и Оршею, по дорогѣ отъ Коханова до Орши на седьмой верстѣ по лѣвую сторону, въ разстояніи полуверсты отъ почтовой дороги. Лежитъ онъ на землѣ, принадлежащей имѣнію графини Воронцовой, близъ деревни Листиновъ. Длина этого камня четыре шага, а ширина — три; темя его подымается на четыре вершка надъ поверхностью земли, на немъ изсѣченъ двойной крестъ, вокругъ котораго въ двѣ строки въ срединѣ вырѣзана славянскими буквами слѣдующая надпись: *Къ лѣ (то) схът (1171) мѣцѣ ма на въ зѣ днѣ доспенѣ хрѣ (жрѣ) снї. Ги помози рбѹ скоему Басилію въ крещенїи именемъ Рогволоду... въ срединѣ: не хрѣ ни кѣ. снї Борисову.*

Многія столѣтія пролежалъ онъ на открытомъ полѣ; шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, крестьяне графини Воронцовой, почитая этотъ камень святынею, собственнымъ иждивеніемъ устроили вокругъ него стѣны и накрыли кровлею, такъ что нынѣ онъ находится какъ бы въ малenkой деревянной часовнѣ. — Мѣстные поселяне рассказываютъ слышанное отъ дѣдовъ своихъ, что этотъ камень былъ на четырехъ ногахъ и имѣлъ голову, что въ совокупности представляло фигуру животнаго. Есть о немъ такое преданіе: что тамошній мельникъ, отрубивъ ему голову, передѣлалъ на мельничный камень, который не только самъ перемололся въ песокъ, но также измололъ всѣ состояніе и все семейство мельника. Старые люди разсказывали мнѣ, что они сами помнятъ, какъ подъ этимъ камнемъ было порожнее мѣсто, куда обыкновенно прятались отъ дождя пастухи, пасшіе скотъ; впослѣдствіи оно засыпалось, и камень все болѣе и болѣе углублялся въ землю. Теперь вокругъ него подкладены камни меньшей величины, и онъ такимъ образомъ занимаетъ всю средину часовни, оставляя вокругъ себя узкую тропинку, по коей можно кругомъ обойти его. — Въ началѣ текущаго столѣтія онъ былъ предметомъ тщательныхъ изслѣдований общеизвѣстнаго любителя отечественныхъ памятниковъ и щедраго покровителя наукъ, Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцева. — Для полнаго свѣдѣнія о памятнике, я повторяю здѣсь описание результата тѣхъ изысканій, которые въ свое время были напечатаны въ Виленскомъ Дневнике (1818, 11, 394): «Многіе, читая въ русскомъ сочиненіи Г. Мальгина (Зерцало Россійскихъ Государей стр. 168) о времени кончины князя Василія Святославича внука Мономахова, сомнѣвались въ достовѣрности потому, что авторъ основываетъ это преданіе на свидѣтельствѣ найденымъ близъ Орши, — гробницѣ этого князя. Графъ Ру-

мянцевъ старался повѣрить это преданіе; онъ сдѣлалъ вызовы къ разнымъ лицамъ, отъ коихъ надѣялся получить по этому предмету разъясненіе; именно: обращался къ людямъ, посвящавшимъ себя наукѣ, изслѣдованію исторіи, какъ-то: къ учителямъ, книгопродавцамъ. Съ тою же цѣлію канцлеръ лично пріѣхалъ въ Оршу и поощрялъ жителей города къ раскрытию этого народнаго памятника. Наконецъ, ректоръ Оршанской Іезуитской Коллегіи Кс. Дезидерій Ришардо дѣйствительно отыскалъ упомянутую гробницу у препроводилъ графу канцлеру описание ея въ слѣдующихъ словахъ: «Надгробный камень сдѣланъ изъ сѣраго гранита и поставленъ внутри часовни въ 24 верстахъ отъ Орши, по дорогѣ ведущей къ Толочину. Гробница эта имѣеть въ ширину 3 аршина и 6 вершковъ, въ длину 4 аршина и 4 вершка.—Камень этотъ въ большомъ почитаніи у окрестныхъ жителей; зовутъ его Борисоглѣбскимъ, а иные Владимірскимъ камнемъ. Надгробный камень утвержденъ на четырехъ столбахъ, а многіе старики помнятъ, что подъ нимъ можно было проходить, и что дѣти гуляя бѣгали подъ нимъ. Очевидно, что гробница подалась въ землю, ибо теперь она лежитъ совсѣмъ на землѣ. Надпись на камнѣ слѣдующая: «Въ 6679: (1171): мѣсяца Мая въ 7 день Успе. Господи помози рабу своему Василію въ кре-щеніи именемъ Рохволду сыну Борисову».

Очевидно, ректоръ говорилъ о томъ же самомъ камнѣ, только принялъ его за гробницу Бориса, согласно съ чѣмъ и читалъ Успе вм. доспень (т. е. сдѣланъ); съ своей стороны мы желаемъ смотрѣть на памятникъ, какъ на граничный камень между удѣлами князей Оршанскаго и Борисовскаго.

Другой камень, будто Бориса Гинвиловича, составлявшій иѣкогда границу Полоцкаго княжества, лежитъ до нынѣ въ Западной Двинѣ въ разстояніи одной мили отъ уѣзднаго города Дисны, по направленію къ Дриссѣ. Онъ съ давняго времени былъ извѣстенъ польскимъ лѣтописцамъ. Матвѣй Стрыйковскій, лѣтописецъ XVI-го столѣтія, говоритъ, что плавая по Двинѣ, онъ самъ видѣлъ его и на 274 стран. своей лѣтописи описываетъ его такимъ образомъ: «на камнѣ есть крестъ изсѣченный по русской формѣ, а этого князя Бориса надпись подъ нимъ, вспоможи Господи раба своего Бориса сына Гинвилового». — Стрыйковскій, желая чтобы этотъ камень былъ положенъ непремѣнно Борисомъ Гинвиловичемъ и безъ сомнѣнія полагая что позднѣйшія поколѣнія видѣть его, читать надписи на немъ и оцѣнивать историческаго ея значенія не будутъ, позволилъ себѣ прибавить «сына Гинвилова-го», — слова, коихъ на камнѣ нѣтъ.

Жившій гораздо позже Стрыйковскаго, историкъ Кояловичъ, — какъ видно, — не осмотрѣвъ его лично, а полагаясь на слова Стрыйковскаго, оставилъ намъ такое его описание; онъ говоритъ, что въ его время можно было видѣть выдающійся посреди водъ Двины неимовѣрной величины камень, на коемъ изсѣченъ былъ пятерной крестъ съ такою надписью: «*Miserere Domine manus tuo Boryso Ginvilonis filio*».

Въ послѣдніхъ годахъ прошедшаго столѣтія, Фома Свенцкій, собирая матеріялы для своего описанія древней Польши, при описаніи Полоцкаго княжества, не умолчалъ и объ этомъ камнѣ; онъ повторилъ слова Кояловича (См. *Opis staroѣtnej Polski t. II str. 279*). —

Въ 1842 году графъ Евстафій Тышкевичъ, въ трудеъ своемъ: «Взглядъ на источники отечественной археологии», помѣстилъ рисунокъ этого камня и описание его.

Наконецъ, секретарь Витебскаго Статистического Комитета, А. Сементовскій, въ текущемъ 1867 году, въ сочиненіи своемъ подъ заглавиемъ: «Памятники старины Витебской губерніи», — сообщилъ намъ рисунки пяти камней — памятниковъ находящихся въ рѣкѣ Двинѣ; въ числѣ ихъ помѣстилъ онъ и камень Борисовъ, о коемъ здѣсь говорится, и который мы считаемъ граничнымъ. Въ описаніи, приложенномъ къ этимъ камнямъ Г. Сементовскій находитъ ошибочною мысль Стрыйковскаго, что этотъ камень былъ памятникомъ благополучной доставки изъ Лифляндіи вверхъ по Двинѣ материаловъ, предназначенныхъ для постройки монастыря Бориса и Глѣба, — и выражаетъ свое личное мнѣніе, что надпись эта на камнѣ, скорѣе знаменуетъ призваніе помощи Всевышняго къ совершенію предпринятаго Борисомъ дѣла (стр. 62 и 63).

Отъ Борисовыхъ камней Западной Руси, умалчивая, быть можетъ, о многихъ подобныхъ нераскрытыхъ еще памятникахъ, находящихся на пространствѣ этого края, — я перехожу въ страну Подляхіи, чтобы оцѣнить археологическое достоинство лежащихъ тамъ граничныхъ камней, коихъ изображеніе прилагаю при семъ, на таблицѣ подъ № 1—5. Разсмотримъ эти пять камней съ надписями и съ какими-то теперь загадочными для насть знаками, которые въ свое время, безъ сомнѣнія, выражали известную мысль.

Камни эти находятся въ Подляскомъ при маленькой рѣчкѣ, называемой Пивонія, между имѣніемъ Сухой-волею и Богинскимъ ключемъ; лежать они подъ рядъ отъ юга къ сѣверу. Камень означенный буквою А, начинаетъ собою граничный рядъ; онъ лежитъ въ дубравѣ, — въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, по направленію къ сѣверу, при небольшой дорожкѣ, лежитъ камень означенный буквою В. Камень подъ буквою С, по тому же направленію лежитъ на полѣ при трактѣ, соединяющемъ мѣстечки Богинь съ Радзинемъ; два слѣдующіе D и E лежитъ въ глухомъ лѣсу.

Нѣкоторые полагаютъ, что камни эти были граничными знаками не только частныхъ имѣній, но и составляли также одну изъ граничныхъ стѣнъ между Литвою и Польшею; догадки эти основываются на томъ, что межевые документы, съ XVI столѣтія, со времени царствованія Сигизмунда Августа, находящіеся въ Суховольскомъ архивѣ и разграничающіе Литву отъ царства Польскаго, служать по настоящее время документами, разграничающими Сухую-волю отъ Богинскаго ключа, лежащаго уже въ Литвѣ. Мѣстные народныя преданія равномѣрно признаютъ эти камни границею Литвы отъ Польши, а многочисленныя межевые тяжбы, почасту заводившіеся между давними жителями мѣстечка Богиня и владѣльцами Сухой-воли, разрѣшались по представлявшимся въ судебныя мѣста актамъ разграничения Царства Польскаго отъ Литвы. Однакожъ въ официальномъ размежеваніи Польши съ Литвою, произведенномъ въ 1546 году королевскими комиссарами, присланными для сей цѣли въ вышеупомянутую мѣстность, подъ заглавиемъ: «Branica Polonia contra Wohin», мы не встрѣчаемъ упоминанія ни о той рѣчкѣ, именуемой Пивонію, ни о тѣхъ камняхъ, о ко-

ихъ комиссары навѣрное не умолчали бы, если бы они въ самомъ дѣлѣ служили граничными знаками между обѣими этими странами. Въ упомянутомъ описаніи королевскіе комиссары проводятъ въ этой мѣстности границу такимъ образомъ: «Ab eodem scopulo Kierzek dicto, Nobiles de medietate villaram Branica et Zbielintovo in distractu Lucoviensi existentes, — Adam Guth, et Dominicus, duxerunt fines inter Ducatum Litvania et Districtum Lucoviensem per paludem Bielsko dictam, ad silvam Siemiczesz dictam et iterum per borram parva via eundo usq, ad fluvium Branca dictum, ad eum videlicet locum, ubi est molendinum aquaticum Plebani in Wohin et ubi Districtus Lucoviensis esse desiit etc. («Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae in lucem editi. Vilnae anno 1758).

Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что когда въ офиціальномъ актѣ, разграничающемъ между собою двѣ страны, о нихъ не упомянуто, то эти камни не составляли никогда граничныхъ знаковъ между Польшею и Литвою. При оцѣнкѣ съ археологической точки зрѣнія находящихся на нихъ знаковъ и надписи, окажется необходимымъ отнести ихъ начало ко времени гораздо болѣе отдаленному нежели то, въ которое Литва разграничивалась съ Польшею; ибо въ Польшѣ употреблялся уже въ ту эпоху Латинскій языкъ надписяхъ, Литовцы же говорили своимъ собственнымъ, а на памятникахъ не писали ни на какомъ языке. — Система класть такого рода знаки, какъ подковы, мечи, стопы была употребительна въ дохристіанскомъ славянскомъ мірѣ, чего слѣды имѣемъ въ Западной Руси на кладкахъ, расположенныхъ чрезъ ручьи: въ Литвѣ же и Самогитіи на камняхъ по ручьямъ и небольшимъ рѣчкамъ. Славянская же надпись, сдѣланная на одномъ изъ нихъ, заставляетъ догадываться, что эти памятники можетъ быть современны Борисовымъ камнямъ, что вѣроятно они принадлежать къ тому періоду, когда славянскій міръ былъ раздѣленъ по удѣламъ сильныхъ владѣтелей. Камни эти, согласно предположенію, могли въ то время служить межевыми знаками собственности частныхъ лицъ. На камѣ, означенномъ буквою С, находится надпись изсѣченная славянскими буквами: Г. (градъ?) Сангуш(е)къ, а это, кажется, имѣть очевидную связь тѣмъ, что мы говоримъ; ибо въ двухъ съ половиною миляхъ отъ мѣста, гдѣ онъ находится, лежитъ мѣстечко и дворецъ Любартовъ, искони-вѣковое помѣстіе Сангушковъ, по которому они именовались Любартовичами. Слѣдственно, камень этотъ, по всей вѣроятности, означалъ границу поземельной собственности Сангушковъ, соприкасающейся съ границей будущихъ двухъ странъ. Лежитъ онъ на полѣ близъ насыпанного нѣкогда вала, слѣды котораго, не взирая на разрушительное дѣйствие времени, видны еще и теперь; народныя же преданія, почти всегда связанныя съ древними памятниками былаго, сохранили намъ обѣ этой насыпи разсказъ: что за многоя столѣтія до нашего времени здѣсь возвышался укрѣпленный замокъ; однако слѣды его уже совсѣмъ исчезли. Въ такомъ случаѣ, основываясь на народномъ преданіи, можно бы предположить, что на границѣ отъ народа, неоднократно тревожившаго своими нападеніями, какой-то Сангушко могъ содержать въ этой части края укрѣпленіе;ложенными-же тутъ камнями хотѣлъ увѣковѣчить память свою; по-

тому что и эти конскія копыта, и эти изсѣченные на камняхъ какъ-бы мечи, коихъ значеніе трудно разгадать въ настоящее время, быть можетъ, имѣютъ тѣсную связь съ тѣмъ, нѣкогда укрѣпленнымъ, мѣстомъ, о существованіи котораго народъ повторяетъ одни лишь преданія.

На рисункѣ F изображенъ камень находящійся на берегу Виліи, нынѣ въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ имѣніи Долгиновъ помѣщика Каменского, въ деревнѣ Камень. Это самородная глыба темнаго гранита, получившая отъ природы видъ конуса, представляющая какъ-бы сахарную голову, вышиною почти въ пять аршинъ и два слишкомъ аршина въ попечникѣ основанія; на этомъ камнѣ изсѣченъ двойной крестъ. Мѣстное населеніе сохранило о немъ въ преданіяхъ своихъ легенду, что будто за много вѣковъ до нась, жившій здѣсь крестьянинъ, въ первый день Свѣтлого Христова Воскресенія, соху запряженою двумя быками пахалъ въ этомъ мѣстѣ свое поле, Господь, желая наказать его за нарушеніе торжественнаго праздника, обратилъ на этотъ камень крестьянина и быковъ запряженыхъ въ соху.

Разматривая съ ученой точки зрењія этотъ камень, означеный двойнымъ крестомъ, слѣдуетъ отнести его къ памятникамъ, почасту встрѣчающимся по берегамъ рѣкъ въ славянскихъ странахъ, принадлежащимъ къ эпохѣ распространенія христианства въ нашемъ краѣ.

гр. К. Тышкевичъ.

Приписка. При разсмотрѣніи рисунка подляскихъ камней гр. А. С. Уваровъ сдѣлалъ замѣчаніе, что славянскую надпись ихъ, которую гр. К. П. Тышкевичъ читаетъ: градъ Сангушевъ, можно прочесть и такимъ образомъ: Г = господи, СПН = спаси ГУШ = душу..., что значило К—остается неизвѣстнымъ. Что касается до знаковъ, находящихся на камняхъ, то они послужили предметомъ двухъ членій въ Обществѣ, которые мы и представимъ вниманію читателя въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Вѣстника», теперь же считаемъ не лишнимъ сдѣлать немногія библіографическія дополненія къ исторіи вопроса о западнорусскихъ камняхъ, представленной въ статьѣ гр. К. П. Тышкевича. Дѣлаемъ это въ той мысли, что и немногія указанія могутъ быть пригодны изслѣдователю столь любопытнаго предмета русской археологии.

1) Первое точное описание Рогвольдова и Борисова камня сдѣлано было П. И. Кеппеномъ въ 1822 году въ сочин.: «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи М. 1822, стр. 45—41.

2) Ст. A Platera: o starożytnych kamieniach z napisami, znajdującyh się w rzece Dźwinie (od XIII wieku) koło Połocka i Dzięsny, wъ сборнике Rubon, Wilno 1842, t. II, стр. 37—48 съ табл. рисунковъ четырехъ камней.

3) «Древніе камни съ надписями, въ рѣкѣ Двинѣ близъ Полоцка и Дисны» ст. Нарбута въ Витебск. Губерн. Вѣд. 1846 г. № 14. Камней описано четыре.

4) Статья Подбересского о тѣхъ же камняхъ — въ Иллюстраціи 1848, намъ извѣстна лишь по чужой ссылкѣ.

5) Ст. П. И. Кёппена — «Der Rogwoldsche Stein vom Jahre 1171 und die Steinenschriften in der Düna», въ Mélanges russes т. 2-ой (1855 г.) стр. 390—405 съ 1-мъ рисункомъ (рогвольдова камня) и изображеніями въ текстѣ; по русски также статья была напечатана въ «Ученыхъ Запискахъ Импер. Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отд. т. 3-й, стр. 59—70.

6) «Камни Бориса Всеолодовича и Василія Борисовича» ст. въ Виленскомъ Вѣстнике 1864, № 56, содержаніе ея — въ «Трудахъ» Общества т. 1. стр. Если включить въ этотъ списокъ сочиненія, указанныя гр. К. П. выше на стр. 154—5 — то — кажется — будетъ все что извѣстно по вопросу о западно-русскихъ камняхъ! Срав. также свѣдѣнія о Рогвольдовомъ камнѣ, переданныя въ сочиненіи г. Шпилевскаго: «Путешествіе по Бѣлоруссіи». Спб. 1858, стр. 185.

А. К.

КЪ РУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.

О НѢКОТОРЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѦ.

Произведенія иконописи не только Русской, но и Византійской — очень рѣдки въ западной Европѣ. Если гдѣ сохранилось ихъ больше, то это, безъ сомнѣнія, въ Италии. Чаще всего они встрѣчаются въ тѣхъ небольшихъ галлереяхъ, которые находятся при академіяхъ художествъ, сохранившихъ по преимуществу древнѣйшую Италіянскую живопись. Сколько мы знаемъ, больше всѣхъ сохранила Византійскія иконы академія художествъ въ Равеннѣ. Въ ней находятся Византійскія иконы съ обширными греческими подписями (№ 231, 233). Особенно рѣзко выдѣляется по своему сюжету одна икона небольшаго формата, представляющая Знаменіе Богородицы. Какъ икона съ такимъ сюжетомъ, хотя и не важная по письму, она представляетъ очень рѣдкое явленіе на Западѣ. Хотя сюжетъ этотъ является въ IV вѣкѣ въ катакомбахъ Св. Агнессы, но Мартини въ своемъ словарѣ христіанскихъ древностей приводить только предшествующій типъ Богородицы молящейся (*orans*) и послѣдующій, выработавшійся уже изъ изображенія Знаменія и известный подъ именемъ Живоноснаго источника ¹⁾). Кромѣ того въ Равенской академіи сохранилось нѣсколько Византійскихъ иконъ Богородицы, но всѣ они съ одной стороны не отличаются хорошимъ стилемъ старого Византійского искусства, съ другой ни одна изъ нихъ не выдается своими размѣрами, такъ что всѣ онѣ относятся къ роду тѣхъ, которые такъ сильно привились къ нашей иконописи, а потому для насъ не могутъ представить ничего новаго и поучительнаго. Болонская пинакотека также имѣеть нѣсколько греческихъ иконъ, хотя и не внесенныхъ въ каталогъ ея, хотя также не отличающихся хорошимъ древнимъ стилемъ, но довольно значительныхъ по размѣру, такова икона, представляющая распятіе Христа съ греческими подписями. Дѣйствительно, всѣ эти иконы даютъ понятіе о Византійской манерѣ (*maniera Greca*), но неранняго, изящнаго стиля, точно также какъ и образъ Богородицы безобразнаго письма съ греческими подписями, находящійся въ Villa Albani близъ Рима. Въ Италии даже на аукціонахъ попадаются иконы Византійскія, такъ 1865 года зимою на одномъ аукціонѣ

¹⁾ *Dictionnaire des ant. chrét. par Martigny. 1865 г. стр. 660—662*

во Флоренції было выставлено иконоописное изображеніе града Іерусалима съ Греческими подписями, въ томъ же стилѣ и съ тѣмъ же характеромъ расположенія, какъ встрѣчается этотъ самый сюжетъ въ нашихъ лубочныхъ изданіяхъ на одномъ листѣ. Нѣть сомнѣнія, что въ Римѣ можно встрѣтить лучшія произведенія Византійской иконописи, не говоря о Ватиканской библіотекѣ, въ которой найдется не одна икона Греческаго письма, въ которой есть изображенія Спаса, напоминающія известную икону нашего Ушакова, хотя и нѣть образцовъ такого непропорционального размѣра, до котораго иногда доходило наше изображеніе головы Христа, какъ напримѣръ внутри надъ входными дверями Благовѣщенскаго собора. Особеннымъ изяществомъ отличается икона Богородицы въ церкви ея имени іn Cosmedin. Эта икона, приписываемая Евангелисту Лукѣ, соединяетъ въ себѣ съ особенностями Византійскаго стиля изящество Итальянскаго искусства, особенно въ типѣ малютки Христа, далеко не такимъ строгомъ, къ какому привыкла Византійская иконопись. Однимъ изъ изящныхъ Византійскихъ иконописныхъ типовъ Христа владѣеть Музей Іезуитской коллегіи въ Римѣ (Museum Kircherianum). Это поясное изображеніе Христа съ широкими орнаментами внизу даетъ видъ всей иконѣ продолговатый. Не совмѣщающая въ себѣ того живописнаго оттенка, который находится въ упомянутой нами Римской Мадоннѣ, въ тоже время онъ письмомъ своимъ и орнаментами указываетъ на хороший стиль Византійскаго художества, почему, можетъ быть, относится ко времени большей древности. Но если Италія сравнительно такъ небогата произведеніями Византійской иконописи, то другія страны Западной Европы еще того менѣе. Какъ Византійскихъ, такъ и Русскихъ иконъ въ Западной Европѣ мало.

Какъ же отнеслась Западная Европа къ произведеніямъ нашей иконописи, какъ она взглянула на нихъ?

Всѣхъ легче и поверхностнѣе отнеслись къ нашей иконописи французы. Конечно Русскихъ иконъ вы не встрѣтите въ Луврѣ. Въ музѣ Клюни есть двѣ случайно попавшія туда, благодаря Крымской войнѣ. Изъ множества иконъ, захваченныхъ во время этой войны, Французы выбрали двѣ и непремѣнно въ ризахъ. Русскій образъ подъ № 3669 такъ покрытъ ризою, что только видны головы Богородицы и Христомладенца, который у ней на рукахъ. Такой выборъ ясно говорить за то, что Французы не дали никакой цѣны нашей иконописи. Другая Русская икона подъ № 3668, раздѣленная на три части и представляющая въ срединѣ Богородицу съ младенцемъ, по сторонамъ исторію жизни и мученій Святаго Никиты. Этотъ образъ, тоже неотличающійся ни высокой техникой, хотя и написанъ довольно тщательно, ни древностью, могъ представляться для Французовъ интереснымъ развѣ въ томъ отношеніи, что на немъ есть надпись съ обращеніемъ къ Богородицѣ, какъ утѣшительницѣ скорбящихъ. Но что всего страннѣе въ отношеніи Французовъ къ нашей иконописи — это то, что они не помѣстили нашихъ иконъ въ числѣ живописи на деревѣ, а дали имъ мѣсто въ числѣ различныхъ предметовъ (*objets divers*), такъ что въ одномъ съ ними отдѣлѣ вы встрѣтите какой-нибудь курьозный карманный зонтикъ (№ 3680¹), словомъ какъ вещи курьозныя.

¹) Musée des thermes et de l'hotel de Cluny стр. 423.

Иначе отнеслись къ нашей иконописи Итальянцы. Въ Равенской академіи художествъ Русскія иконы поставлены вмѣстѣ съ Византійскими, наряду съ которыми дѣйствительно ихъ настоящее мѣсто. Но въ Равеніѣ только двѣ небольшія Русскія иконы. Одни изъ нихъ безъ №, въ мѣдномъ окладѣ и очень небольшаго формата, представляетъ Ивана Златоуста съ подписью: *Аг Иван Златоустъ* впрочемъ далеко не отличающаяся хорошимъ письмомъ. Другая Русская икона подъ № 100 тоже не большаго формата, раздѣленная на четыре отдѣльныя части, посвященная обстоятельствамъ изъ жизни Крестителя, начиная съ его зачатія. Въ этой иконѣ замѣчательно то, что при усѣкновеніи головы Крестителя въ сосудѣ лежить уже голова въ то время, какъ самъ онъ стоитъ въ ожиданіи казни, что, конечно, какъ предшествующій моментъ, идетъ къ извѣстному мистическому изображенію Крестителя съ своей головой въ чашѣ. Большее количество иконъ Русскихъ можно встрѣтить въ Римѣ. Музей іезуитской коллегіи имѣеть только одинъ маленький, продолговатый образокъ, изображающій праздники. Онъ на золотомъ фонѣ съ подписями «успеніе» и. т. п., мелкимъ, но не тщательнымъ письмомъ. Гаруччи помѣстилъ его въ стеклянномъ шкафѣ, рядомъ съ которымъ виситъ и упомянутый нами выше Византійскій образъ Христа. Одна изъ Русскихъ иконъ, находящихся въ Римѣ и изображающихъ Петра и Павла уже была описана въ нашей литературѣ¹⁾. Но Византійская библіотека въ этомъ отношеніи представляетъ единственное собраніе Русскихъ иконъ на Западѣ. Какъ почти вездѣ на Западѣ, гдѣ есть Русскія иконы непремѣнно встрѣчается одна такая, которая представляетъ на одной доскѣ нѣсколько праздниковъ, чѣмъ какъ бы отмѣчается взглядъ Запада на нашу иконопись, въ библіотекѣ Ватикана есть довольно большой образъ, раздѣленный на 12 равныхъ частей, изображающій праздники двунадесятые съ подписями: срѣтіе Бѣ, кръщеніе, цветоносіе и т. п. На этой иконѣ Благовѣщеніе представлено, какъ благословеніе ангела, летящаго сверху; сошествіе Св. Духа безъ Богородицы, но съ олицетвореннымъ міромъ въ видѣ человѣка съ короной; воскресеніе Лазаря съ мертвцомъ выходящимъ изъ пещеры. Понятно отсюда, что подобная икона, неотличающаяся въ техническомъ отношеніи и не претендующая на древность, могла попасть въ Византійское собраніе иконъ, благодаря удержанвшимся въ ней первичнымъ христіанскимъ сюжетамъ. Тутъ же находится образъ «воскрніе Хѣво», представленное въ видѣ сошествія во адъ. Понятно, что подобный сюжетъ легко могъ подойти къ группѣ художественныхъ произведеній древнеитальянского искусства. Къ подобнымъ сюжетамъ привыкли, съ нимъ сроднились Итальянцы. До чего сильно пропитаны они композиціей Библейскихъ и Евангельскихъ сюжетовъ, можно видѣть на томъ, что карикатуристъ для выраженія какой-нибудь своей мысли представляетъ Гарибальди, то въ позѣ Ивана Крестителя, то Моисея съ лучами и на берегу, въ то время какъ Наполеонъ тонетъ въ волнахъ, какъ Фараонъ, хотя справедливо и то, что въ подобномъ отношеніи къ религіознымъ сюжетамъ профанируемъ религіозное искусство. Такимъ образомъ Итальянцы, ставя наши иконы съ Византійскими, приурочили ихъ

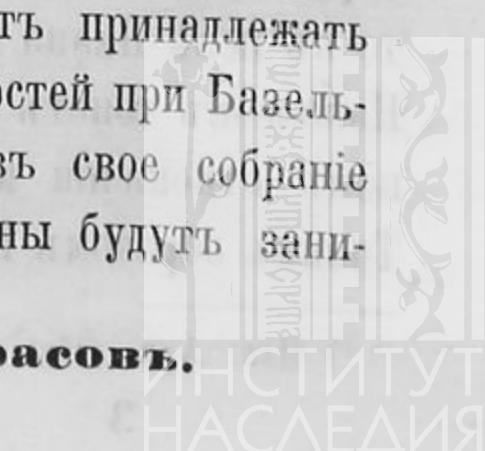
¹⁾ Изв. Арх. Общ. т. I.

къ произведеніямъ древне-итальянскаго и древне-христіанскаго искусства. Но они имѣютъ, какъ образецъ особенности чисто Русской иконописи, извѣстные складные святыи чрезвычайно мелкаго письма съ мельчайшими подписями. На средней доскѣ ихъ въ срединѣ изображенъ страшный судъ. На одной изъ досокъ есть сюжетъ изъ библейской исторіи, какъ изгнаніе Адама и Еввы изъ рая, какъ исторія блуднаго сына, или изъ христіанской исторіи, какъ изображеніе тайной вечери съ сидящими вокругъ стола, такъ что иконописныя доски не совсѣмъ подходятъ къ характеру нашихъ святцевъ, какъ изображеніямъ по преимуществу только святыхъ и очень немногихъ событий только христіанскихъ праздниковъ, какъ Рождества Предтечи. Но этотъ, какъ называютъ его Итальянцы, Русский календарь (*calendario Russo*) не имѣть ни одного изображенія Русскаго святаго, сколько намъ помнится послѣ бѣглаго осмотра, на всѣхъ рядахъ его. А между тѣмъ не только по подписямъ, миніаторному письму, но и по подписямъ иконописцевъ — онъ Русскій. Изъ подписей видно, что его писалъ не одинъ Сергій Васильевъ, о которомъ упоминаетъ и Д. А. Равинскій ¹⁾, но и другой изъ царскихъ жалованныхъ иконописцевъ, жившій въ 1668 году — Никита Ивановъ.

Что же касается до Нѣмцевъ, то они, какъ напр. въ Берлинскомъ музѣѣ, помѣстили нѣсколько нашихъ иконъ, какъ изображеніе Св. Екатерины и нѣсколько другихъ, правда неважныхъ по письму, вмѣстѣ съ немногими Византійскими иконами въ залѣ древнѣйшаго итальянскаго искусства. Но они, почти не имѣя возможности запастись Византійскими, такъ рѣдкими иконами, безъ сомнѣнія будутъ пріобрѣтать Русскія для составленія своихъ музеевъ — христіанскихъ и средневѣковыхъ древностей. Такъ музѣй средне-вѣковаго искусства, находящійся при Базельскомъ соборѣ, пріобрѣлъ у антикварія двѣ Русскихъ иконы. Одна изъ нихъ подъ № 91, вершковъ около десяти величиною, раздѣленная на нѣсколько четвероугольниковъ имѣеть наверху надпись «печали пресвятыя Богородицы умягченіе злыхъ сердецъ». Въ срединѣ иконы Богородица съ младенцемъ между ангелами и евангельскими знаками, а вокругъ, въ маленькихъ квадратахъ рождества Богородицы, Богородица съ мечами въ сердцѣ, поклоненіе волхвовъ, наконецъ нѣсколько святыхъ, между которыми есть Сергій, Феодосій и Иннокентій Иркутскій. Другая икона болѣе мелкаго, но не миніаторного письма съ желтымъ фономъ. Въ серединѣ она представляеть «Воскресеніе Христа и сошествіе во адъ». Кругомъ, въ небольшихъ четвероугольникахъ написаны: рождество Богородицы, введеніе ея во храмъ, благовѣщеніе, поклоненіе волхвовъ, символическое изображеніе Троицы, воздвиженіе креста Господня подъ видомъ выноса его изъ алтаря въ присутствіи созерцающихъ Константина и Елены. Подписи отдельній иконы сдѣланы вязью. Обѣ иконы намѣчены XVII вѣкомъ, временемъ для русскихъ иконъ почтеннымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ едвали могутъ принадлежать такой русской старинѣ. Но не только музѣй христіанскихъ древностей при Базельскомъ соборѣ, а и Берлинскій музѣй Пипера охотно принимаетъ въ свое собраніе русскія иконы, такъ что изученіемъ ихъ съ археологической стороны будутъ заниматься не одни русскіе ученые.

И. В. Некрасовъ.

¹⁾ Ист. Рус. школъ иконописанія стр. 134.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

О НОВОМЪ ЭКЗЕМПЛЯРѢ МОНЕТЫ АНТИМАХА-ѲЕОСА СЪ ИМЕНЕМЪ ДІОДОТА.

Извѣстно что Греко-Бактрійскіе монеты, до 1820-хъ годовъ крайне-рѣдкія въ Европѣ, стали съ тѣхъ поръ открываться въ такомъ обиліи, что обнаружили существованіе пятнадцати государей, о которыхъ не упоминается ни словомъ ни въ какихъ историко-литературныхъ источникахъ. Извѣстно также, что нумизматы и археологи, не находя на означенныхъ монетахъ никакихъ положительныхъ данныхъ къ хронологическому и географическому размѣщенію пятнадцати помянутыхъ государей, пріурочивали ихъ въ томъ и другомъ отношеніи совершенно-произвольно и прямо-противуположно одинъ другому, сходясь въ томъ только, что почти всѣхъ этихъ государей относили къ періоду распаденія Греко-Бактрійскаго Царства послѣ Эвкратида. Такой хаосъ господствовалъ въ Греко-Бактрійской нумизматикѣ до тѣхъ поръ, пока не стали открываться двуименные монеты, т. е. такія, которые представляютъ два царскихъ имени: одно — на передней, другое — на обратной сторонѣ монеты. Благодаря этимъ двуименнымъ монетамъ обнаружилось, что многихъ изъ монетныхъ государей, которыхъ относили, какъ сказано, къ періоду разложенія Греко-Бактрійскаго царства, придется пріурочить къ періоду его возникновенія. Относительно Антимаха-Ѳеоса и Агаѳокла стало это несомнѣннымъ вслѣдствіе того, что нашлись монеты ихъ съ именемъ Діодота, основателя означенного царства; а лишь только стало это несомнѣннымъ, какъ пришлось перестроивать всѣ прежнія относительно ихъ гипотезы, съ такимъ трудомъ и такою тратою учености придуманныя.

Двуименныхъ Греко-Бактрійскихъ монетъ извѣстно до сихъ поръ всего шесть видовъ, а именно: 1) Агаѳоклова съ именемъ Діодота; 2) Агаѳоклова съ именемъ Эвридема; 3) Антимахова съ именемъ Діодота; 4) Эвкратидова съ именемъ Геліокла и Лаодикеи; 5) Лисіева съ именемъ Антіалкида; и 6) Стратонова съ именемъ Алаѳоклеи. Экземпляры всѣхъ видовъ этихъ крайне-рѣдки, тогда-какъ одноименные Греко-Бактрійскія монеты имѣются нерѣдко въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ одного вида.

Изъ перечисленныхъ двуименныхъ монетъ, Антимахова съ именемъ Діодота описана была впервые въ 1862 году, знаменитымъ Э. Томасомъ, въ *Numismatic Chronicle (new series)*, vol. II, p. 184. Описаніе сдѣлано не по подлиннику, а по слѣпку, полученному изъ Индіи отъ извѣстнаго тамошняго собирателя монетъ, маюра Гэй (Hay). Впослѣдствіи (см. *Numismatic Chronicle, new Series*, vol. IV, p. 200) полученъ былъ Томасомъ и другой слѣпокъ съ той же монеты, сообщенный капитаномъ Стоббсомъ (Stubbs). Извѣстенъ и третій слѣпокъ, принадлежащий г. Бриретону (Brereton). Но гдѣ и у кого именно находится въ Индіи подлинникъ, съ котораго дѣланы всѣ эти слѣпки, покрыто какою-то тайною.

По слѣпку присланному Гэемъ, монета описывается такимъ образомъ:

Пер. стор. Голова въ царской повязкѣ, обращенная вправо

Надп. ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΕΡΟΣ.

Обор. стор. Юпитеръ въ стоячемъ положеніи, мещущій громы; на лѣвой руцѣ его Эгида; ниже Эгиды—вѣночъ; у ногъ—орелъ.

Надп. ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΛΝΤΙΜΑΧΟΥ ΘΕΟΥ и монограмма AN.

Рисунокъ, сдѣланный съ означенного слѣпка (который находится теперь въ Британскомъ-Музѣѣ) вполнѣ удостовѣряетъ въ точности этого описанія (см. Num. Chr. II, table IV, fig. 7).

Въ изложенныхъ подробности вошелъ я потому, что на-дняхъ нашелся въ Россіи двойникъ тому подлиннику описанной монеты, съ котораго дѣланы слѣпки. Нашелся онъ въ Петербургѣ, не далѣе какъ въ собственной моей маленькой коллекціи Греко-Бактрійскихъ монетъ. Такимъ образомъ, этотъ мой экземпляръ есть теперь единственный, находящійся въ Европѣ экземпляръ Антимаховой монеты съ именемъ Діодота.

Экземпляръ этотъ — тетрадрахма — не представляетъ никакихъ отличій противу описанія и рисунка у Томаса. Вѣсь его 2 золот. 78 долей. Получилъ я его, вмѣстѣ съ другими Греко-Бактрійскими монетами, изъ Бухары, лѣтъ семь тому, а вниманіе на него обратилъ, какъ сказано, лишь на-дняхъ, занявшиесь обработкою небольшаго труда о Греко-Бактрійскомъ Царствѣ.

Замѣчательно что и первая, сдѣлавшаяся извѣстною двуименная монета съ именемъ Діодота, именно Агаѳоклова, описанная впервые въ 1843 году прославившимся съ тѣхъ порь нумизматомъ нашимъ генераломъ Бартоломеемъ, вывезена была въ Петербургъ изъ Бухары же, ученымъ путешественникомъ и ориенталистомъ нашимъ Н. В. Ханыковымъ.

Какъ на нашей монетѣ Антимахъ-Ѳеосъ, такъ и на двуименной Агаѳокловой — Агаѳокль, являются оба съ титуломъ ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ, вмѣсто обыкновенного ΒΑΣΙΛΕΩΣ, который и они, и другіе Греко-Бактрійскіе государи, носятъ на своихъ одноименныхъ монетахъ. Не обративъ вниманія на это обстоятельство, Бартоломей утверждалъ, что означенная монета Агаѳоклова бита явно по смерти Діодота, и что Агаѳокль былъ не только преемникомъ Діодота, но даже и сыномъ его, тѣмъ самыемъ, котораго Юстинъ положительно именуетъ, какъ и отца, Діодотомъ (собственно

Ѳеодотомъ; lib. XLI, стр. 4). Теперь пришлось бы, по этой логикѣ, и Антимаха-Ѳеоса давать въ сыновья Діодоту. Чѣмъ, въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ употреблено ВАΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ, ни значило это выраженіе, мы согласны съ Томасомъ, что на монетахъ Агаѳокла и Антимаха-Ѳеоса, означаетъ оно подчиненное отношеніе этихъ лицъ къ Діодоту, указывая тѣмъ на особое устройство основаннаго послѣднимъ государства. Развитіе этой мысли тѣ, кого интересуетъ предметъ—найдутъ въ помянутомъ труда нашемъ о Греко-Бактрійскомъ Царствѣ, который будетъ отпечатанъ въ текущемъ году.

Но — замѣтимъ при настоящемъ случаѣ — весьма смущаетъ насъ то обстоятельство, какимъ образомъ одинъ и тотъ же Агаѳоклъ могъ находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ и къ Діодоту, и къ Эвѳидему. Когда умеръ Діодотъ, неизвѣстно. По соображенію разныхъ обстоятельствъ, кончину его относятъ, кто (Байеръ) къ 243, кто (Лассенъ) къ 237 году до Р. Х. Неизвѣстно, равнымъ образомъ и когда вступилъ на престолъ Эвѳидемъ. Это событие, тоже по разнымъ соображеніямъ, относятъ (Байеръ, Вильсонъ, Конингэмъ) къ 220 году до Р. Х. Чтобъ Агаѳоклъ могъ быть подручникомъ обоихъ этихъ государей, надо чтобы властвовалъ онъ, по-крайней мѣрѣ, ранѣе 237 и позже 220 годовъ по Р. Х. Это ужъ порядочный клочокъ времени. Но судя по выраженіямъ, употребленнымъ Поливіемъ, Страбономъ, и Юстиномъ, когда упоминаютъ они обѣ отложеніи Діодота отъ Селевкидовъ, и образованіи особаго, независимаго Греко-Бактрійскаго Царства, подручники Діодотовы, въ родѣ Агаѳокла и Антимаха-Ѳеоса, должны были свергнуть съ себя зависимость отъ Селевкидовъ въ одно время съ нимъ, или много годомъ, двумя позже. А какъ отложение Діодота произошло около 256 года до Р. Х. (въ этомъ согласны почти всѣ изслѣдователи), то, выходитъ, и Агаѳоклово царствованіе надо считать начавшимся съ 254—253 года до Р. Х. Въ такомъ случаѣ, чтобы дожить до времени, когда владычество надъ Бактріею перешло въ руки Эвѳидема, долженъ онъ былъ провластвовать, по крайней мѣрѣ, тридцать три года — что-то ужъ очень долго! Но, на какомъ основаніи, спрашивается, считаютъ Агаѳокла сверстникомъ Діодота I-го, и заставляютъ его быть первымъ царькомъ въ своемъ удѣлѣ? мы не знаемъ такого основанія, и считаемъ потому весьма возможнымъ предположеніе, что въ удѣлѣ своемъ могъ онъ быть не первымъ, а имѣть предшественника, дѣйствительно сверстника Діодота I-му, одновременно съ этимъ послѣднимъ отложившагося отъ Селевкидовъ. Этому предшественнику своему Агаѳоклъ могъ наслѣдовать еще при жизни Діодота I-го, и потому бить монему съ именемъ этого сюзерана своего. И почему-бы этимъ предшественникомъ Агаѳокла не быть Панталеону, котораго обыкновенно даютъ ему въ преемники, тоже безъ всякаго достаточнаго на то основанія? Скажутъ, пожалуй, что неизвѣстно монетъ Панталеона, которые бы свидѣтельствовали о подчиненности его Діодоту I-му. Но, вѣдь, и Агаѳокловы монеты, свидѣтельствующія о подчиненности его Діодоту I-му и Эвѳидему, сдѣлались извѣстны, относительно, въ недавнее время, а до того находимы были только автономныя, одноименные его монеты: нельзя отвергать, потому, чтобы не могли найтись со-временемъ и Панталеоновы монеты съ именемъ Діодота, тѣмъ-болѣе что всѣ извѣстныя доселѣ Панталеоновы монеты — мѣд-

ныя, или изъ композиціи, которыя, по этому самому, и не могли служить для той цѣли, для которой чеканились двуименные серебряные.

Вообще такова уже участъ Греко-Бактрійской Исторіи, что всякий новый монетный памятникъ этого царства на столько же и затемняетъ ее, насколько разъясняетъ. Мы позволимъ себѣ пуститься въ изложенныя соображенія потому что — кто-же не позволялъ себѣ этого?

В. Григорьевъ.

ДЕНЬГА

АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА, СЫНА И. Д. КАЛИТЫ.

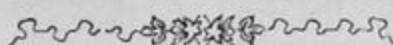
По отпечатаніи 2-го выпуска моихъ Общеславянскихъ Нумизматическихъ изслѣдованій, я имѣлъ случай приобрѣсти деньгу, которая достойна обратить на себя внимание Нумизматовъ. На одной ея сторонѣ: человѣкъ во весь ростъ, идущій направо; голова его замѣчательно велика и волосы на ней длинные, одежда по колѣни; въ правой рукѣ держитъ онъ петлю изъ веревки, въ лѣвой — мечъ, ефесь котораго оканчивается шаромъ; на оборотѣ: всадникъ, скачущій направо съ занесеннымъ въ рукѣ мечемъ; голова всадника велика и также съ длинными волосами; изображеніе въ четвероугольникѣ, вокругъ котораго украшенія. На моемъ экземпляре надпись почти совершенно истерта, остались только слова: тъ, кнажа, — слова, не могущія сказать ничего ровно утвердительного. Но въ собраніи Русскихъ древностей сочлена нашего А. В. Брыкина находится экземпляръ деньги, съ тѣми же изображеніями и съ сохранившимся явственно надписью: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ОНДР ВАНА; что несомнѣнно: князя Андрея Ивановича.

У насъ былъ князь этого имени и отчества, меньшой братъ Великихъ Московскихъ князей: Симеона Гордаго и Ioanna Ioannovicha, — отецъ побѣдителя татаръ на Кули-

ковскомъ полѣ, Владимира Андреевича Храбраго. Объ немъ едва упоминается въ нашей Исторіи; но что онъ имѣлъ удѣль, видно изъ словъ Карамзина: говоря о началѣ Троицкой Лавры, онъ упоминаетъ, что бояринъ Ростовской Кирилла перѣхалъ въ г. Радонежъ, — удѣль меньшаго брата Симеонова Андрея, для избѣжанія самовольствъ чиновниковъ Великокняжескихъ. Въ 1340 году Андрей владѣлъ Серпуховомъ, Перемышломъ, Лопастью и третью Москвы; въ 1353 онъ умеръ. Я полагаю, что вышеупомянутая деньга принадлежитъ князю Андрею Ивановичу, младшему сыну Иоанна Даниловича Калиты. Мое мнѣніе основано на слѣдующемъ: 1) форма этой деньги, болѣе круглая и вѣсъ дозволяютъ отнести ее ко времени Великаго князя Иоанна Ивановича, по извѣстнымъ намъ серебрянымъ деньгамъ этого Московскаго владѣтеля; 2) чеканъ ея изображеній—довольно грубый, не имѣетъ артистического выбитья монетъ Донскаго и ниже въ художественномъ отношеніи денегъ, современныхъ Василію Дмитріевичу; чеканъ ея болѣе приближается къ чекану денегъ первыхъ Московскихъ князей; 3) Печать князя, безъ слова: Великаго въ надписи—показываетъ, что она удѣльная, а не Великокняжеская: Великіе князья слишкомъ дорожили своимъ званіемъ Великаго, чтобы выпускать его въ надписяхъ своихъ денегъ; доводомъ тому можетъ служить то, что на всѣхъ деньгахъ, XII и XIII столѣтій, не опредѣленныхъ, читаемъ: «печать князя Великаго», и то же встрѣчаемъ на всѣхъ деньгахъ 14 и 15 столѣтій, съ именами и отчествами, до самаго перваго Грознаго Царя. 4) По чекану, формѣ, буквамъ и вѣсу — эта монета можетъ быть средины XIV столѣтія, — и въ эту эпоху изъ удѣльныхъ князей былъ только одинъ князь, Андрей Ивановичъ, — князь Серпухова, — меньшой сынъ Московскаго Великаго князя Иоанна Даниловича Калиты. Монета эта—важное пріобрѣтеніе для нашей Нумизматики. Изъ Серпуховскихъ удѣльныхъ денегъ мы знали только: Владимира Храбраго, его сыновей и внука Василія Ярославича. Чертковъ изобразилъ нашу монету въ своемъ изданіи, но въ числѣ неопределенныхъ. Прилагаемый мной рисунокъ снять съ деньги, находящейся въ собраніи А. В. Брыкина.

Д. Сонцовъ.

27 октября 1867 г.

КРИТИКА И БИБЛIOГРАФИЯ

Матеріялы для антропологіи курганного періода (?) московской губерніи. — соч. Анатолія Богданова, Москва 1867, 4° стр. 176.

Прежде чѣмъ мы дадимъ читателю отчетъ о содержаніи и археологическомъ интересѣ любопытнаго труда г. Богданова, считаемъ не лишнимъ предварительно привести въ ясность отношенія двухъ наукъ: археологии и краніологии. Вопросъ, какъ увидимъ, не лишенъ своего живаго современаго значенія.

Сравнительное изслѣдованіе череповъ различныхъ народовъ въ послѣднее время привлекло вниманіе не однихъ естествоиспытателей-антропологовъ, но и археологовъ и историковъ-этнографовъ. Отъ этой новой науки они ждутъ дѣятельной помощи въ рѣшеніи вопросовъ, которыхъ не могутъ рѣшить изъ запаса собственныхъ средствъ. Оправдаются ли подобныя ожиданія и въ какой мѣрѣ — рѣшить будущее; но не рѣдки случаи, что археологи и теперь уже пользуются заключеніями сравнительной краніологии и вносятъ ихъ въ свои изслѣдованія, какъ фактъ дознанный и стоящій вѣтвь всякихъ сомнѣній. Въ виду такихъ явлений — наука вправѣ спросить: въ какой степени теперь археологу дозволительно слѣдовать указаніямъ сравнительной краніологии, въ какой мѣрѣ — въ рѣшеніи темныхъ вопросовъ своей науки — онъ можетъ положиться на заключенія и выводы современныхъ краніологовъ, однимъ словомъ — возможенъ вопросъ о степени пользы, которую можетъ принести современная сравнительная краніология для археологии и исторической этнографии. Вопросъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ первого взгляда: отъ установки правильныхъ отношеній между этими науками во многомъ зависятъ — если не успѣхи науки древности, то по крайности болѣе прочное ея развитіе, устраненіе многихъ произвольныхъ выводовъ и заблужденій, къ которымъ неминуемо ведеть всякое безъотчетное, неустановившееся отношеніе. Касаясь здѣсь этого вопроса, я далекъ отъ мысли предложить удовлетворительное рѣшеніе его и имѣю въ виду лишь вызвать взаимное обсужденіе его со стороны археологовъ и антропологовъ-естественноиспытателей; потому своимъ мнѣніямъ, догадкамъ и сомнѣніямъ даю форму мнѣній и догадокъ совер-

шенно личныхъ и излагаю ихъ съ возможною краткостью, останавливаясь лишь на самомъ существенномъ. Всякій археологический памятникъ извлеченный изъ земли, или находящійся на поверхности ея — будетъ пустою игрушкою, если нѣтъ надежды доискаться, какому народу и времени принадлежитъ онъ, какія материальныя и нравственныя потребности и мысли вызвали его возникновеніе: камень и металлы остаются нѣмымъ камнемъ и металломъ, если они не говорятъ намъ: изъ чьихъ рукъ, когда и для чего получили они известную обдѣлку. И историкъ и археологъ не идутъ далѣе предѣловъ человѣческой жизни и дѣятельности: разсматривая и природу лишь по отношенію къ человѣку, они остаются равнодушны, почти холодны къ тому, что было до появленія людей: только человѣческая дѣятельность, человѣческія потребности и способы ихъ удовлетворенія согрѣваютъ историка и археолога, потому къ каждому предмету своего вѣдѣнія они обращаются съ вопросами: о времени, виновникахъ и причинѣ его происхожденія. Обойти, миновать эти вопросы археологъ не можетъ даже и тогда, когда дѣло идетъ о предметахъ глубочайшей древности, лежащей за предѣлами всякаго воспоминанія; правда, здѣсь онъ долженъ пока довольствоваться вѣроятными догадками, предположеніями, основанными лишь на слабыхъ наведеніяхъ, отвѣты выходятъ глухие, неопредѣленные, но по крайности они имѣютъ хотя нѣкоторые залоги исторического правдоподобія, они заслуживаютъ нашей признательности хотя бы потому только, что вызываютъ пытливую любознательность къ дальнѣйшему изслѣдованію, а не усыпляютъ ее ложными призраками непогрѣшительныхъ готовыхъ выводовъ. Не имѣя средствъ решить многіе вопросы доисторической археологии, изслѣдователь обращается за помощью къ наукамъ естественнымъ, къ тѣмъ изъ нихъ, которые изслѣдуютъ доисторическую жизнь нашей планеты, перевороты, какіе вынесла она, фауну и флору различныхъ периодовъ ея существованія. Кажется, онъ долженъ найти здѣсь весьма прочную поддержку: сравнительная краніология даетъ, повидимому, средство опредѣлить, какому племени принадлежалъ тотъ, чьи останки потревожены рукой пытливаго археолога, какому народу принадлежать произведенія искусства, встрѣчаемыя въ данной могилѣ... О чемъ лишь смутно гадалъ археологъ, то получаетъ онъ изъ другихъ рукъ, какъ готовую добытую наукою истину. Понятно, что если справедливы заключенія сравнительной краніологии — для науки древнѣйшей археологии наступаетъ новая эпоха, предположенія должны уступить мѣсто строгой достовѣрности выводовъ. Но справедливы ли эти заключенія, имѣютъ ли они обязательную силу исторической истины, точно ли археологъ можетъ безопасно на нихъ положиться? — Вотъ вопросы, на которые съ точки зрѣнія археолога и этнографа-историка — должно, я думаю — отвѣтить пока отрицательно, иначе придется отвергнуть многія положенія историко-археологической науки, положенія, которыхъ стоять почти на степени аксиомъ.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы на основаніи разности, замѣчаемой въ строеніи череповъ у различныхъ народовъ, опредѣлить, какому народу принадлежать могилы, вскрытыя рукою археолога, а между народами теперь живущими — установить правильную классификацію, показать ихъ родство между собою, опредѣлить степень чистоты ихъ крови, или степень помѣси съ кровью народовъ чуждаго происхожденія. Чтобы

скольконибудь приблизиться къ рѣшенію первого вопроса о принадлежности могиль тому или другому племени, необходимо доказать, что каждое племя имѣеть свое особое черепное строеніе, что это строеніе не измѣняется съ теченіемъ времени отъ перемѣны образа жизни, природы и вообще материальныхъ условій жизни. Сравнительная краніологія, кажется, принимаетъ, что каждое племя имѣеть свое особое, отличное отъ другихъ, черепное строеніе, покрайней мѣрѣ, не смотря на нѣкоторыя колебанія въ формѣ череповъ одного и того же племени, она хочетъ установить среднія числа для характеристики череповъ племенъ германскихъ, кельтскихъ, славянскихъ и др. Очень вѣроятно, что каждое изъ этихъ племенъ имѣеть теперьвой особый черепной типъ, хотя еще и неопределенный; но можно ли отъ настоящаго заключать къ прошедшему? Можно ли думать, что черепное строеніе племенъ славянского, нѣмецкаго, кельтского, финского имѣло туже самую форму и въ эпоху глубокой древности, что оно ни на іоту не измѣнилось съ того времени? Думать это можно, если было бы доказано, что ни природа, ни перемѣна образа жизни не обнаруживаютъ рѣзкаго вліянія на измѣненіе строенія черепа, но сравнительная антропология представляетъ въ этомъ случаѣ очевидныя и несомнительныя данныя, свидѣтельствующія что разность въ климатѣ и образѣ жизни имѣеть рѣшительное вліяніе на измѣненіе черепа у людей одного и того же племени; жители горъ имѣютъ совершенно другое устройство черепа, чѣмъ жители низменныхъ мѣстъ, хотя и тѣ и другіе не только родственны, но и тожественны по происхожденію, имѣютъ одинъ и тотъ же языкъ одни и тѣ же понятія и нравы; тоже слѣдуетъ замѣтить и объ измѣненіяхъ въ строеніи челюстей и костей лица: форма ихъ зависитъ, какъ показалъ Бэръ, отъ долговременного употребленія растительной или животной пищи. И такъ—черепъ подъ вліяніемъ природы, перемѣнъ образа жизни — измѣняется, — это признаютъ сами краніологи, но они говорятъ, что эти измѣненія не такъ рѣшительны, чтобы изъ-за нихъ нельзя было увидѣть первичнаго типа... Допустимъ на время эту мысль. Спрашивается, когда появился этотъ типъ: въ эпоху ли единства индо-европейскихъ племенъ, или уже по обособленіи каждого племени? Если еще въ эпоху единства племенъ, то нужно отказаться отъ всякой попытки опредѣлять славянскій, нѣмецкій, кельтскій, или греческій типъ череповъ: всѣ они будутъ лишь позднѣйшими видоизмѣненіями первоначального племененаго арійскаго типа, всѣ они не будутъ имѣть постоянства и твердости типа въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Если же примемъ, что каждый типъ черепного строенія явился у народовъ индоевропейского корня уже по отдѣленіи ихъ изъ общаго племененаго потока, то, не шутя, слѣдуетъ допустить, что наши индо-европейскіе предки не имѣли опредѣленного строенія череповъ; притомъ, что была за причина, которая создавала особые типы; если это была природа и образъ жизни (а другую причину и допустить невозможно), то индо-европейскія племена — въ продолженіи долгаго странствованія изъ равнинъ Азіи въ Европу и въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ жизни на европейской почвѣ — такъ часто мѣняли мѣста и образъ жизни, что должно допустить, что эта причина дѣйствовала много разъ... Стало быть объ установлениіи постоянныхъ типовъ черепного строенія лишь со временемъ обособленія индо-европейскихъ народовъ — не можетъ

быть и рѣчи: съ этихъ поръ происходить лишь измѣненія первоначального индо-европейского типа: а если при этомъ вспомнимъ, что какъ Славяне, такъ и Кельты, и Нѣмцы, Греки, Римляне также раздѣлялись на отдельные вѣтви, изъ которыхъ каждая вела свою особую жизнь, имѣла такъ сказать свою особую, отличную отъ другихъ природу и удовлетворяла своимъ потребностямъ особымъ образомъ, стало быть могла и должна была имѣть особое черепное строеніе, то мысль объ общемъ славянскомъ, нѣмецкомъ или греческомъ—типахъ черепа — едвали можетъ называться имѣющею ученое основаніе. Все что можно сказать здѣсь — это, что въ извѣстный періодъ жизни извѣстное племя могло имѣть такой или иной средній типъ! Остается, покрайней мѣрѣ, признать, что сравнительная краніология точно опредѣлила общеарійскій типъ черепнаго строенія — и это одно было бы великою помощью для археологии; она могла бы узнать, къ какому обширному племени принадлежитъ встреченная могила: къ индо-европейскому, или иному какому...; но и въ этомъ случаѣ краніология не можетъ дать археологу надежной точки опоры: она говоритъ, что всѣ индо-европейскія племена принадлежать къ семье длинноголовыхъ прямочелюстныхъ, но къ этой семье принадлежать и другія народы совершенно чуждаго происхожденія; но Славяне, безспорно относящіеся къ племени индо-европейцевъ и по языку, нравамъ и обычаямъ, образу жизни — Славяне не длинно, а короткоголовы (*вгаснусерналі*), Персы также индо-европейцы — коротко-головы. Для археолога — немного утѣшенія представляетъ то обстоятельство, что антропологи умѣли найти причину этихъ отступленій отъ обыкновенного правила, причину, заключающуюся въ помѣси съ племенами другой крови, фактъ остается несомнѣнъ, что черепное строеніе извѣстнаго племени можетъ совершенно измѣниться и перейти изъ длинной формы въ короткую. При такомъ результатѣ современной краніологии — становится болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы археологъ могъ въ настоящее время извлечь изъ нея пригодныя для себя указанія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ его положеніе; онъ разрылъ могилу, нашелъ многія вещи изъ камня или металла, нашелъ нѣсколько череповъ одинакового строенія, но остается неизвѣстнымъ, какому народу принадлежали эти вещи. Онъ обращается къ краніологу съ просьбой разрѣшить загадку посредствомъ измѣренія череповъ, краніологъ находитъ, что черепа при надлежать къ длинноголовымъ прямочелюстнымъ и притомъ очень близки къ современному нѣмецкому типу; отсюда онъ заключаетъ, что могила принадлежала людямъ нѣмецкаго племени; но долженъ ли осторожный археологъ довѣряться такому заключенію? Не вправѣ ли наука сказать, что къ длинноголовымъ прямочелюстнымъ принадлежать не одни нѣмцы, а и романскія племена, и кельты и др. народы, а что данные черепа строениемъ своимъ приближаются къ современному нѣмецкому типу, то легко могло быть, что въ древности иные народы, напр. хоть Кельты — имѣли строеніе черепа, совершенно схожее съ современнымъ нѣмецкимъ такъ какъ оба эти племени идутъ отъ одного корня и Кельты въ началѣ обитали въ тѣхъ странахъ, которыя потомъ заняты были Нѣмцами.. И такъ — почему же эта могила должна быть исключительно нѣмецкою, почему она не кельтская, не романская, не славянская даже, такъ какъ Славяне въ началѣ своей жизни должны были также имѣть длинное

строение черепа? Назовутъ ли какую могилу славянскою, потому что черепа въ ней находившіеся коротки и прямочелюстны, но вѣдь таковы черепа и у Финновъ и другихъ племенъ; сошлются ли на близость строенія ея къ современному славянскому типу, но за нѣсколько сотень лѣтъ онъ долженъ быть имѣть иное строеніе и отъ настоящаго къ прошедшему заключать не возможно, или слишкомъ смѣло. Въ одной изъ своихъ статей Бэръ выражаетъ мысль, что заслуга сравнительной краніологии состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, что она показываетъ, какому племени принадлежитъ черепъ, а въ томъ, что она показываетъ къ какому онъ не принадлежитъ....; но существуютъ ли прочныя ручательства, что длинноголовые по своему происхожденію всегда принадлежать къ другому корню. Чѣмъ коротко-головые? Примѣръ противнаго только что представленъ: Славяне—короткоголовы, остальные индо-европейскія племена — длинноголовы, а кто же нынѣ станетъ отрицать, что первые идутъ изъ одного источника со вторыми. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль Бэра можетъ найти оправданіе, но не иначе, какъ при помощи археологическихъ и историческо-этнологическихъ указаний.

Такъ зыбка, такъ непрочна почва, на которую можетъ вступить археологъ, довѣрившись указаніямъ современной сравнительной краніологии. Къ трудностямъ въ настоящее время почти неустранимымъ, прибавляется еще одна, значительно запутывающая и безъ того сложный вопросъ. Я говорю о черепахъ народовъ изчезнувшихъ, которые во множествѣ проходили по южной и срединной части Европы и происхожденіе которыхъ по большей части гадательно. Если на основаніи наблюденій надъ современнымъ нѣмецкимъ типомъ черепа недозволительно дѣлать заключенія о формѣ черепного строенія нѣмецкаго племени въ эпоху древнѣйшую, то здѣсь для краніолога нѣть рѣшительно никакой точки опоры: народы исчезли, средней повѣрочной мѣрки не существуетъ—и кажется въ рукахъ осторожнаго краніолога эти черепа—безъ историко-этнологическихъ указаний навсегда останутся нѣмыми, загодочными памятниками..., потому я не побоюсь высказать, что археологу, дорожащему точностью знанія, едвали теперь возможно положиться на заключенія сравнительной краніологии: въ ней не найдеть онъ для себя тѣхъ общихъ твердыхъ положеній, которыя имѣли бы силу несомнѣнной, убѣждающей истины: основывая свои заключенія на краніологическихъ данныхъ, онъ рискуетъ къ своимъ собственнымъ догадкамъ прибавить догадки, еще болѣе шаткія. А много ли выиграетъ наука построенная на однѣхъ догадкахъ!

Касаясь современной краніологии лишь по отношенію къ наукѣ древностей, я вообще далекъ отъ мысли отрицать важное значеніе изслѣдованія череповъ и для нашей науки: и теперь она принесла намъ уже несомнѣнную пользу рѣшенiemъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, каковъ напр. вопросъ о макрокефалахъ; но все хорошо въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, и въ законной мѣрѣ: когда сравнительная антропология приобрѣтѣ прочность точной науки,—тогда воспользуемся тѣмъ, что она дастъ намъ; а до той поры не станемъ строить зданія на пескѣ, чтобы не быть свидѣтелями его скораго разрушенія. Я не сталъ бы говорить столь рѣшительно, если бы не находилъ поддержки со стороны такого геніального антрополога, какъ

акад. Бэръ: «нельзя еще, говорить онъ, заключать о происхождениі по однимъ формамъ череповъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы намъ отыскивать общую колыбель Германцевъ и Тунгусовъ. Короткость, вышину и ширину черепа Малороссіянъ, съ почти перпендикулярно спускающимся затылкомъ, можно бы приписать большей примѣси татарской и монгольской крови, что дало бы повидимому удовлетворительное объясненіе короткоголовости ихъ сравнительно съ другими русскими племенами; но Поляки и Чехи, которые, покрайней мѣрѣ въ историческое время, менѣе были смѣшаны съ Монголами, чѣмъ Малороссіяне, имѣютъ однакоже, какъ кажется, черепъ еще болѣе короткій и широкій, чѣмъ всѣ русскія племена»... «Мнѣ кажется, продолжаетъ Бэръ, что при такихъ условіяхъ—надо пока совершенно отодвинуть на задній планъ исторію распространенія человѣческаго рода..., сравнительная антропологія, подобно всякой другой наукѣ, основанной на наблюденіи, должна начать съ изслѣдованія частностей, дабы выводить изъ нихъ "впослѣдствіи—общіе результаты."»

Трудно въ немногихъ словахъ сказать что нибудь болѣе вѣрное и въ тоже время болѣе скромное: это поучительный урокъ торопливымъ краніологамъ и замѣтка для памяти довѣрчивымъ археологамъ!

Обращаемся къ сочиненію г. Богданова, заглавіе котораго мы выписали выше: оно представляетъ только двѣ первыя части задуманного изданія «Антропологическихъ матеріяловъ», третья — и самая интересная для насъ, посвященная изученію археологическихъ предметовъ, которые найдены въ курганахъ московской губерніи — не вошла сюда: обработку ея принялъ на себя известный специалистъ И. Д. Бѣляевъ, которому русская археологическая наука уже обязана многими изумительными открытиями (напр. открытиемъ что Карна и Жля, упоминаемые въ словѣ о П. Игоревѣ, были подземныя славянскія божества); не смотря, однако, на это обстоятельство — и лежащая предъ нами часть Антропологическихъ матеріяловъ можетъ занять вниманіе и археологовъ: въ ней мы находимъ перечневое извлеченіе изъ журналовъ и описаній раскопокъ, произведенныхъ въ московской губерніи, а также и описание раскопокъ самого автора въ той же мѣстности, впрочемъ послѣдняя уже прежде были известны изъ брошюры, изданной имъ въ 1865 году — подъ заглавиемъ «Курганное племя Московской губерніи М. 1865 (оттискъ изъ извѣст. Моск. Унив. 1865 № 3), первое же не совсѣмъ полно, такъ авторъ не воспользовался любопытной (хотя и случайной) раскопкой, произведенной въ коломенскомъ уѣздѣ въ 1842 году, известіе о которой напечатано въ Журн. Мин. Внутр. дѣлъ, 1843, Августъ стр. 293—7. Раскопка эта тѣмъ важнѣе, что для заключеній о могилахъ московской мѣстности — она представляетъ нѣкоторыя новыя данныя. Главная часть книги г. Богданова занята числовыми таблицами измѣренія череповъ. Не будучи знатоками по этой части мы не можемъ решить: правильно ли произведены исчисленія и въ особенности правильно ли выведены среднія числа, но во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ думать, что никакая правильность ихъ не уполномочивала автора дѣлать тѣ заключенія, какія мы находимъ въ послѣдней, 3-ей, главѣ, гдѣ разсматривается вопросъ: принадлежало ли московское длинноголовое племя къ финскому племени. Рѣшая этотъ вопросъ отрицательно, авторъ говоритъ:

«нашъ результатъ изъ принятаго нами способа изложенія, цифроваго и фактическаго — никакъ нельзя объяснить какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ массы фактovъ, и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ». Въ рѣшительности приговора никто, конечно — и сомнѣваться не станетъ, до безсердечности его — никому нѣтъ дѣла, но о строго научности можно бы казалось и помолчать въ настоящемъ случаѣ: въ самомъ дѣлѣ: обладаетъ ли антропологическая наука столь несомнѣнными твердыми учеными основаніями, чтобы дѣлать рѣшительныя этнологическія заключенія? Изъ предыдущаго видно, что не только мы, но даже и такие геніальные ученые, какъ ак. Бэръ — сомнѣваются въ этомъ, усомнится въ этомъ и г. Богдановъ, когда на свой предметъ онъ взглянетъ безсердечно и строго научно, до той же поры мы имѣемъ полное право объяснять его заключеніе субъективнымъ мотивомъ или личнымъ понятіемъ о предметѣ. Тѣмъ не менѣе — повторимъ — «Матеріялы для антропологіи курганного периода московской губерніи» интересны и для археолога по нѣкоторымъ фактамъ и по заключеніямъ, отмѣченнымъ печатью археологического периода науки.

А. К.

Труды Владимирскаго губернскаго статистическаго комитета, выпускъ VI-й — подъ редакціею секретаря комитета Тихонравова.

Владимиръ 1867.

Въ числѣ другихъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ, только слѣдующія четыре относятся къ области археологіи: а) г. Тихонравова — «изслѣдованіе кургановъ близъ Вознесенскаго посада въ шуйскомъ уѣздѣ» (съ рисунками добытыхъ въ этихъ курганахъ вещей), и в) г. Гарелина: «этнографическій очеркъ обычаевъ жителей шуйскаго уѣзда», «Мѣстныя народныя суевѣрія» и «Народный календарь» въ томъ-же шуйскомъ уѣздѣ. Нельзя не пожалѣть, что наши собиратели мѣстныхъ суевѣрій, обрядовъ и обычаевъ приступаютъ къ этому дѣлу безъ всякой подготовки, и не справляясь съ печатными материалами, повторяютъ въ сотый разъ то, что уже давнымъ давно всѣмъ и каждому известно. Подобныя повторенія тѣмъ болѣе досадны, что множество любопытныхъ и несомнѣнно-важныхъ для науки сторонъ народнаго быта донынѣ никѣмъ не описано и не изслѣдовано такъ наприм. дѣтскія игры и при чтанія, юридические обычай и тѣ разнообразные обряды, которыми сопровождаются земледѣльческія и другія работы крестьянина, остаются почти не тронутыми. Сверхъ того, собиратели никакъ не хотятъ отнести къ своей задачѣ просто, не мудрствуя лукаво, не хотятъ ограничиться только наблюденіемъ и передачею существующихъ

въ народѣ обычаевъ и повѣрій, но и спѣшать съ своими преждевременными и почти всегда поверхностными заключеніями. Эти недостатки замѣтили мы и въ статьяхъ г. Гарелина, который въ добавокъ еще пишетъ языккомъ неправильнымъ и подъ часъ совершенно-непонятнымъ, называя слова и выраженія, повидимому мало ему знакомыя. Въ доказательство приведемъ двѣ выписки: «между оставшимися суевѣріями есть нѣкоторыя языческія преданія, которымъ вѣритъ народъ, хотя не видѣть и не анализируетъ материальныя способности и духовную силу ихъ жизненнаго продукта на окружающіе предметы.» (стр. 70)—«Большая часть калѣкъ и нищихъ служить народу въ развитіи какой-то чудесной или сверхъестественной силы проявленія безъ выходного убожества, безъ которого нельзѧ обойтись, хотя въ сущности само общество, олицетворяя эту идею, могло бы излечить подобныя язвы, безъ всякаго своего фантастического предположенія, разумно разобравши ихъ недостатки » (стр. 76).

Что же касается до статьи г. Тихонравова, то она представляетъ продолженіе статей о томъ же предметѣ, напечатанныхъ въ предыдущихъ книгахъ «Трудовъ»: по обстоятельности и точности описанія — ее должно причислить къ небольшому числу полезныхъ археологическихъ дневниковъ.

А. А.

Nouvelles dÃ©couvertes archÃ©ologiques, faites Ã Constantinople par le Dr. Dethier, directeur du collÃ©ge autrichien. Constantinople. 1867. 27 стр. и 1 таблица. 4°.

Авторъ этой небольшой брошюры, известный въ ученомъ мірѣ изданиемъ сборника надписей, открытыхъ въ Константинополѣ, года четыре тому назадъ открылъ въ Иглицѣ, на Нижнемъ Дунаѣ, цѣлый рядъ важныхъ въ историческомъ отношеніи римскихъ надписей, которые были имъ прочтены, дополнены и восстановлены. Копія съ этого рукописнаго его труда попалась въ руки известнаго французскаго эпиграфиста Г. Леона Ренье, который послѣдилъ издать въ свѣтъ надписи, не упомянувъ ни словомъ имени ихъ первого открывателя и kommentатора — г. Детье. Римскія надписи города Троесмиса (въ Нижней Мѣзии) были представлены Римскому Археологическому Институту и Парижской Академіи Надписей и возбудили пренія между Гг. Ренье и Моммсеномъ. Но и въ этихъ спорахъ имя Г. Детье, впервые правильно восстановившаго эти надписи, не было произнесено. Нежелая, чтобы новыя открытія, дѣлаемыя имъ съ такимъ трудомъ и жертвою времени, на почвѣ Константинополя, гдѣ Г. Детье имѣть свое постоянное мѣстопребываніе, перешли въ чужія руки, онъ рѣшился самъ сообщать ихъ ученому міру. Настоящая брошюра содержитъ рядъ такихъ сообщеній, изъ которыхъ большая часть относится къ послѣднимъ временамъ римской Имперіи. Авторъ описываетъ въ ней слѣдующіе любопытные памятники: 1. Копія

съ греческой надписи на надгробномъ камнѣ маленькой дочери Юстина II. Оригиналы этой надписи истерлись, и самъ авторъ въ подлинникѣ ее не видалъ. 2. Открытие греческой надписи съ воротъ, построенныхъ Георгіемъ, котораго личность трудно установить. 3. Весьма отрывочный фрагментъ сильно-попорченаго барельефа, изображающаго Гордіана III, убивающаго льва на охотѣ близъ Антіохіи, въ Пизидіи, въ 242 году. Г. Детье возстановилъ этотъ барельефъ по монетѣ Гордіана. 4. Памятникъ Феодосія II (408 — 450), стоявшій на Forum Tauri. Авторъ возстановляетъ его по весьма острумнымъ соображеніямъ. 5. Монеты послѣдняго Константина (XIV), единственная золотая медаль Императора Песценнія Нигера и бронзовая монета съ изображеніемъ двухъ Валеріановъ, Галіена и Салотты, принадлежащая Кабули-Пашѣ. Къ брошюре приложена исполненная самимъ авторомъ таблица, впрочемъ весьма небрежливо передающая изображенные на ней памятники. Если нумизматы будутъ благодарны автору за его сообщенія, то прочія открытія въ самой незначительной степени обогащаютъ археологическую науку.

К. Г.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. Срезневскаго. Спб. 1867, 8°, стр. VIII + 86 + 96 + 88 + 100 + 16.

Новый трудъ г. Срезневскаго будетъ, конечно—встрѣченъ съ полною признательностью всѣми, кто не безъучастно относится къ отечественной наукѣ: онъ можетъ равнымъ образомъ удовлетворить и археолога, и филолога, и историка литературы—обилиемъ новыхъ фактовъ, розысканий и новыхъ счастливыхъ соображеній, даже и тамъ, гдѣ авторъ осматриваетъ уже извѣстное, онъ умѣеть взглянуть на него съ новой стороны, остановиться на томъ, что еще не было затронуто, что рѣшалось недостаточнымъ образомъ. Эти достоинства труда, не позволяя отнести его къ обыкновеннымъ явленіямъ современной ученой литературы, заставляютъ желать, чтобы онъ вызвалъ основательную критическую оценку; въ настоящемъ случаѣ мы ограничиваемся лишь краткимъ указаниемъ тѣхъ частей его, которые особенно могутъ привлечь вниманіе археолога. Книга составилась изъ сорока отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ славянской и русской древности, преимущественно письменной: кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о памятникахъ, авторъ представляетъ разборъ и важнейшихъ историческихъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, иногда и полный текстъ письменного памятника, иногда же только выдержки изъ него и словарные извлечения. Къ статьямъ собственно археологическимъ относятся: «запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ» XIII в., «Каменецкая вежа» XIII в., (пожалѣемъ здѣсь, что къ этой статьѣ не приложенъ любопытный рисунокъ памятника, который былъ при первомъ изданіи ея въ «Запискахъ Академіи Наукъ»), «остатки зарубскаго мона-

стыря» XII—XIII в., «древнее изображение князя Всеволода Гавриила» XII в., «покровъ съ гробницы князей ярославскихъ 1501 года»; по бытовой археологии — въ книгѣ г. Срезневского находимъ множество новыхъ данныхъ, въ особенности любопытны въ этомъ отношеніи свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ Златоструяхъ и извлеченія изъ нихъ, свидѣтельствующія, что замѣтки о языческихъ нравахъ, встрѣчающіяся въ нашихъ старинныхъ поученіяхъ — не всѣ могутъ быть относимы къ русской древности; истинною драгоцѣнностью въ археологическомъ отношеніи должно быть названо «Слово о богачѣ и Лазарѣ», которое было напечатано авторомъ еще прежде, въ его «древнихъ памятникахъ русского языка и письма», а въ настоящемъ труде представляется по новому списку XII вѣка; неизвѣстнымъ пока остается, какому племени — по происхожденію и изображаемымъ чертамъ быта — принадлежитъ это слово, но кажется несомнѣннымъ или русскому, или одному изъ южныхъ племенъ славянскихъ. Чтобы указать на важность памятника, предлагаемъ краткую изъ него выдержку, изображающую жизнь богатааго: «Тъ богатыи на земли живаше. и въ багърѣ хожаше. кони его были бѣша. златъмъ оукрашени. сѣдѣла юго позлащена. раби юго предѣтекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ. а дроузии съ зада оброу-чи и мониста носаще. и отъ иноудь рещи въ велицѣ славѣ излазл. на обѣдѣ же юго слоужьба бѣ многа. злата и срѣбрьна. вино много. тетерѣ гоуси жеравиє. и раби голоуби коури заꙗци и юлени. множество сокачии работающе и дѣлающе съ потъмъ. ини мѣнози токоуще и на пѣрстѣхъ блоди носаще. ини же махающе съ боязнию. ини же срѣбрьныи оумывальница дѣржаще. ини же оукропльница дѣмоуще ини стѣкланица съ виномъ носяще. и ти вси троужаахоусл тѣщащесѧ юдиного богатааго чрѣво насытити. готовающе юму и одръ слоновъ съ прѣтыканами понѣвами свильтнами макѣками. възлежащю же юмоу и не могущю оусъноути. дроузии нозѣ юмоу гладять ини по ладвиамъ тѣшать юго. ини бають юмоу. ини гоудоутъ юмоу». Къ достоинствамъ труда г. Срезневского должно отнести и обстоятельные указатели: сначала предлагается хронологический списокъ памятниковъ, изданныхъ или описанныхъ, затѣмъ, въ концѣ, указатель именъ личныхъ и мѣстныхъ, указатель предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, наконецъ — указатель словъ, удобный для справокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — прекрасное дополненіе къ словарямъ церковно-славянского и древне-русского языковъ.

Русская старина любила вести счетъ вещественнымъ предметамъ — сороками, глядя на эти первыя сорокъ свѣдѣній, замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, позволимъ себѣ пожелать, чтобы въ скоромъ времени къ нимъ присоединились и другія и трети сорокы, если не цѣлые сорокъ сороковъ.

A. K.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ЗАМѢТКИ О ЗВЕНИГОРОДСКИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ.

Въ описаніи древностей, найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ А. Д. Чертковымъ,¹ поименованы между мѣдными вещами слѣдующія: обручи, зарукавья, пряжка, кольца, перстни, бубенчикъ и крестикъ, и изъ нихъ г. Чертковъ выводить заключеніе: «мѣдныя вещи, находимыя на сѣверѣ и неимѣющія знака, должны, кажется, относиться къ эпохѣ, предшествовавшей Рождеству Христову, а тѣ, въ которыхъ уже цинкъ находится, къ позднѣйшему времени». Далѣе: «предположеніе наше о принадлежности Звенигородскихъ древностей Варяго-Руссамъ, подтверждается и самыми фактами».²

Прочитывая со вниманіемъ полезныя розысканія А. Д. Черткова и сравнивая его находки³, съ давно отрытыми мною на развалинахъ Сарай, бывшей столицы Золотой Орды, я нахожу ихъ совершенно однообразными съ Сарайскими, и даже всѣ вещи мѣдныя (Сарайскія) были дѣланы изъ одной мѣди, безъ примѣси цинка. Крестикъ же, приложенный на рисункѣ таблицы XV. подъ буквою J., точь въ точь какъ мною находимый, не одинъ разъ, и такой величины.

¹ Записки С. Петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества за 1849 г. с. 234—250.

² Факты эти заключаются въ сравненіи съ вещами, открытыми въ озтзейскихъ губерніяхъ разлитіемъ Западной Двины. Сильный напоръ воды въ Ашераденѣ и Дунгофѣ, оторвалъ (въ 1837 г.) часть берега, въ коемъ находились человѣческіе остаты съ украшеніями, и изъ числа тѣхъ древностей иная сходны съ звенигородскими вещами. См. описание Крузе: Necrolivonica oder Alterth. Liv-Esth. und Kurländisch. bis zur Einführ. Chr. Relig. in der Kais. Russich. Ostsee.-Gouvern., изд. 1842. г.

³ См. табл. XV въ зап. археол. нумизм. общ. и заключеніе (эпоха погребенія) с. 249.

Изъ древностей Звенигородскихъ можно, кажется, вывестъ иное заключеніе, а именно, что вещи — современны Христіянству и составляли украшеніе кого либо изъ Христіянъ, ибо известно, что язычниковъ не погребали съ крестами. Но на предположеніе, что древности принадлежали къ Варяго-русской эпохѣ (тоже языческой?), не представлено доводовъ неопровергимыхъ.

Изложенное мнѣніе г. Крузе о находкахъ въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Ашераденѣ и Дунгофѣ, причисляемыхъ къ Варяго-Руссамъ, есть одно гадательное, потому что вещи такого рода я находилъ въ могилахъ, уже Христіянскихъ, начала XIII, а быть можетъ и XIV. вѣка.

А. Терещенко.

11. Февраля 1855 г.

С. Петербургъ.

О САРАЙСКОМЪ СЕРЕБРЯНОМЪ РУБЛЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было открыто мною на развалинахъ Сарая 12 слитковъ серебряныхъ, названныхъ мною рублями, изъ коихъ одинъ, вѣсомъ въ 74 золотника, былъ пожалованъ Государемъ Императоромъ археологическо-нумизматическому обществу, и тамъ онъ хранится подъ именемъ любопытнаго серебрянаго слитка¹⁾, а не рубля.

Во многихъ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ и описаніяхъ, какъ то: гг. Черткова, бар. Шодуара и Муравьевъ, такие слитки обозначены рублями, и равномѣрно найденные въ Новгородѣ, Рязанѣ, Псковѣ и другихъ мѣстахъ, такъ же наименованы рублями. Но почему хранящійся въ археологическомъ обществѣ Сарайскій рубль, обращенъ въ одинъ простой слитокъ, не имѣющій значенія ходячей монеты? По этому мнѣ казалось не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ въ мое оправданіе, такъ и потому, что этотъ слитокъ не есть одинъ кусокъ металла, но древняя ходячая монета.

Нѣкоторые доселѣ возобновляютъ спорныя противорѣчія о томъ, что нашими нумизматами дано слишкомъ не правильное название рублей, что къ такому разряду принадлежать новгородскіе, рязанскіе и другіе; что действительные рубли суть куски рубленаго серебра и одновѣсные, а потому найденные въ Сарѣ, Новгородѣ, Рязанѣ и т. д., какъ нѣсколько гладкіе и разновѣсные, должны быть и суть одни слитки.

Нумизматы конечно знали, что рубли были разновѣсны; что слитки, вѣсившіе до полъ-фунта, были рубли; что неравенство въ вѣсѣ происходило отъ произвольной разрубки серебра, что при употреблении мелкой монеты, она билась изъ фунта различно, — и за всѣмъ тѣмъ нумизматы не усомнились принять рязанскіе и нового-

¹⁾ Записки археологическо-нумизмат. общ. за 1849 г. с. 271.

родскіе слитки за рубли. Если же нѣкоторымъ показались они гладкими и какъ бы отлитыми, и не видать въ нихъ грубой разрубки, то это произошло отъ обращенія, какъ всякая ходячая монета, переходящая изъ рукъ въ руки. Серебряныхъ обрубковъ въ грубомъ видѣ не дошло до насъ, а всѣ болѣе или менѣе обглаженные, и утверждать, что Сарайскіе слитки не суть рубли по одному лишь словопроизводству, это ни съ чѣмъ не сообразно, и значило бы нисправергать древнюю денежную систему. На подобныхъ слиткахъ сохранились для настъ слѣды буквъ, надписей и изображеній, какъ напримѣръ: на Новоторжскомъ, знакъ оборотней буквы э и надпись Новоторжски, или Новоторжско; на Псковскомъ родъ монограммы города Пскова и изображеніе герба его, барса. На многихъ другихъ слиткахъ, дошедшихъ до насъ, не осталось никакихъ слѣдовъ, а между тѣмъ они подобны новогородскимъ и псковскимъ. При томъ всѣмъ известно, что Россія, находившаяся подъ игомъ Татарскімъ, платила дань, которую конечно взносила не только золотомъ, но и серебромъ. Почему же теперь сомнѣваться, что слитки Сарайскіе не суть тѣ же серебряные рубли? Нѣть никакой причины, казалось бы, опровергать, однако нашлись люди, которые хотятъ, чтобы высказанное ими мнѣніе было бы принято безъ противурѣчія.

Извѣстно такъ же, что есть древніе серебряные рубли совсѣмъ другой формы, это кіевскіе, именуемые гривenkами, почти гладкіе слитки. Кто же далъ и это название? Если же произошло отъ рубки, то это не основательно, потому что они не обрубки, а имѣющіе уже свою опредѣленную форму, между тѣмъ именуются рублями. Недалеко примѣры: наши рубли совсѣмъ другой формы, называемые еще цѣлковыми и корбованцами. Такъ измѣнились название, величина, вѣсъ и наружность денегъ! Замѣтимъ еще, что имя рубля доселъ въ употребленіи, что оно есть самое древніе и перешло къ намъ отъ предковъ.

Отечественные лѣтописи, говоря о бывшей ходячей монетѣ, подъ именемъ рублей, именуютъ въ послѣдствіи гривны и гривенки, слѣдовательно мы получили первоначальное свѣдѣніе отъ лѣтописцевъ, современниковъ серебряныхъ слитковъ. Если наши лѣтописцы опредѣляютъ вѣсъ, то по сравненію съ рублями новогородскими, псковскими, рязанскими и московскими. Нѣть никому никакой охоты называть вещь не своимъ именемъ, отъ того и слитки Сарайскіе были названы рублями, какъ одинаковой формы съ хранящимися во многихъ минцѣ-кабинетахъ, и я нахожу, что напрасно причислили ихъ къ простымъ слиткамъ, т. е. къ неимѣющимъ значенія монеты, и мнѣ кажется, что сарайскіе рубли весьма любопытны, какъ свидѣтели нашей дани — Золото-ордынскимъ ханамъ.

А. Терещенко.

11 февраля 1855.

С.-Петербургъ.

РЕЕСТРЪ ВРОНЗОВЫМЪ МЕДАЛЯМЪ

Подъ этимъ заглавиемъ находится въ одной рукописи (№ 455 въ листъ, стр. 62.) нашего собранія любопытный перечень чеканенныхъ медалей, начиная съ 1672 года. По видимому это копія съ офиціальной описи Петербургскаго монетнаго двора, судя по скрѣпѣ, помѣщенной на концѣ реестра. Между 95 медалями исчисленными, находится много малоизвѣстныхъ, и находятся даже такія, которыя не извѣстны намъ по нумизматическимъ собраніямъ, но во всякомъ случаѣ этотъ перечень чеканенныхъ медалей весьма любопытенъ для собирателей и для знатоковъ отечественной нумизматики. Рукопись, изъ которой мы заимствуемъ свѣдѣнія, принадлежало Г. П. Хлѣбникову. Мы сохраняемъ правописаніе подлинника.

1. На рождение Государя Императора Петра первого. 1672 года Маия 30 дня.
2. На вступление на всероссійскій престолъ Г. Императора Петра первого 1682 года, апреля 27 дня.
3. На взятие города Азова 1696 года.
4. На учреждение на Черномъ море карабелнаго флота 1696 года.
5. На искоренѣніе стрелцовъ. 1698 г.
6. На Карловическое замирение 1700 г.
7. На взятие крепости Шлюсенбурга 1702 году.
8. На то же взятие.
9. На взятие крепости Нейшанцъ 1703 г.
10. На взятіи Швецкихъ дву шкуновъ 1703 г.
11. На золожение Санктъ Петербурга 1703 г.
12. На учреждение флота въ Балтийскомъ морѣ 1703 г.
13. На построение крепости и гавани Кронштата 1704 г.
14. На взятие города Дерпта 1704 г.
15. На взятие города Нарвы 1704 г.
16. На тоежъ Нарву спланомъ,
17. На онуюжъ Нарву слatinскою надписью.
18. На взятие города Митавы 1705 г.
19. На баталию при Камише 1706 г.
20. На Левенгаупскую баталию 1708 г.
21. На тоежъ баталию,
22. На знакъ милости Графу Головину 1708 г.
23. На знакъ милости Генералу Адмиралу Графу Апраксину 1708 г.
24. На Полтавскую баталию 1709 г.
25. На онуюжъ баталию.
26. На взятие вполонъ Швецкой арміи при Переялочной 1709 г.
27. На оноежъ взятие.
28. На построение гавани Таганрога 1709 г.

29. На взятие города Элбинга 1710 г.
30. На взятие города Риги 1710 г.
31. На взятие города Динамента 1710 г.
32. На взятие города Пернова 1710 г.
33. На взятие крепости Аренбурга 1710 г.
- 34.** На взятие города Ревеля 1710 г.
35. На взятие города Выборга 1710 г.
36. На взятие города Кекзогла 1710 г.,
37. На счастливое завоевание Лифляндии и Финляндии 1710 г.
38. На оноежъ завоевание.
39. На владение четырмя морями 1711 г.
40. На выхождение российского флота 1713 г.
41. На взятие города Абова 1713 г.
42. На баталию при рекѣ Пелкинѣ 1713 г.
43. На баталию при Вассахѣ 1714 г.
- 44.** На взятие крепости Нейшлота 1714 г.
45. На морскую баталию при Аланте 1714 г.
46. На онуюжъ баталию.
47. На соединение четырехъ флотовъ 1716 г.
48. Орелъ здетми 1717 г.
49. Неизвестная гора 1718 г.
50. На взятие трехъ Швецкихъ фрегатовъ 1719 г.
51. На взятие четырехъ фрегатовъ въ Лифляндии у острова именуемаго Рязаे-рань 1720 г.
52. На заключение мира съ Шведами 1721 г.
53. На онойже со швецкою короною вечной миръ.
- 54.** На коронацию Государыни Импер. Екатерины Алексѣевны 1724 г.
55. На погребение тела Гос. Импер. Петра Перваго 1725 г.
56. На коронацию Государя Импер. Петра втораго 1728 г.
57. На коронацию Госуд. Импер. Анны Иоанновны 1730 г.
58. На установление монетнаго дѣла 1731 г.
59. На замирение съ Отоманскою портою 1739 г.
60. На славныя дѣла во время царствования Госуд. Им. Анны Иоанновны.
61. На вступление на всероссийскій престолъ Гос. Имп. Елизаветъ Петровны 1741 году ноября 25 дня.
62. На отпущение преступленій 1741 году. Декабря 15 дня.
63. На коронацию Гос. Имп. Елизаветъ Петровны 1742 г.
64. На замирение со Швециею въ Абове 1743 г.
65. На окончание кронштадтскаго канала 1752 г. Июля 30 дня.
66. На сложение внутреннихъ пошлинъ 1753 г.
67. На отпущение казенныхъ долговъ 1754 г.
68. На окончание межевыхъ споровъ 1754 г. Мая 13 дня.

69. На учреждение новой Сербіи 1754 г.
70. На рождение Государя Цесаревича і В. Кн. Павла Петровича реверсъ 1754 г.
71. На учреждение Импер. Московскаго Университета 1754 г.
72. О томъ же Университете.
73. На баталию при Франкфурте і Палцыхове 1759 г.
74. На погребение тела Гос. Импер. Елисаветъ Петровны 1761 г.
75. На вступление на всероссійскій престоль Гос. Им. Екатерины Алексѣевны второй 1762 г.
76. На полезныя обществу труды купцамъ 8 человекамъ торгующимъ в Камчатке 1762 г.
77. На коронацию Гос. Им. Екатерины Алексѣевны 1762 г.
78. На учреждение воспитательного дома 1763 г.
79. На установление исправной манеты 1763 г.
80. На установление Импер. Академіи Художествъ на инаугурацию 1765 г.
81. На бывшую карусель 1766 г.
82. Данной депутатомъ к сочинению проекта новаго Уложенія знакъ 1766 г.
83. На привозъ сюда изъ Лифляндіи и Естляндіи на продажу хлѣбъ с мая мія 1767 года.
84. На золожение Ісаакиевской церкви мая 26 дня 1768 г.
85. На одержанную победу при Кагуле Июля 26 дня 1770 г.
86. На одержанную победу флотомъ при Чесме Июля 24 дня 1770 г.
87. Императорской Академіи художествъ рисовальныхъ живописныхъ учениковъ, натура.
88. Онойже Академіи художествъ рисовальныхъ и живописныхъ учениковъ антыкъ.
89. На девичей монастырь.
90. На прививание оспы.
91. На победу при Чесмѣ в честь Его Сиятельства Графа Алексея Григорьевича Орлова данная отъ Адмиралтейской коллегіи.
92. На золожение Кремлевского дворца.
93. На избавление Москвы отъ язвы в честь Его светлости Князя Григорья Григорьевича Орлова.
94. В честь его Превосходительства Ивана Ивановича Бецкаго.
95. На бракосочетание ихъ Императорскихъ Высочествъ.
- У подлинна реестра подписано тако:
- Секретарь Игнатей Андреяновъ
- Бухгалтеръ Василій Михайловъ.
- Изъ перечисленныхъ здѣсь медалей любопытно замѣтить двѣ подъ №№ 48 и 49 1717 и 1718 года. Первая пазванная: «Орелъ съ дѣтьми». была чеканена по случаю возвращенія Петра Великаго въ Россію (Рейхель № 1297) Вторая медаль подъ именемъ: «Неизвѣстная гора», была чеканена въ 1718 по случаю уничтоженія Стрѣлецкаго бунта; на оборотѣ ея представлена скала, возвышающаяся выше облаковъ, а на ней лежить императорская корона, освѣщенная солнцемъ (Рейхель. № 1301). Подъ № 87 опи-

сана медаль Академіи Художествъ «рисовальныхъ и живописныхъ учениковъ натура» вѣроятно извѣстная по надписи: «слѣдя достигнемъ» (Рейхель. № 2305); но за тѣмъ слѣдующая медаль (№ 88): «рисовальныхъ и живописныхъ учениковъ антикъ» не находится въ каталогѣ Рейхеля, и мнѣ никогда не попадалась. Тоже самое надо замѣтить и о медали № 89 «на Дѣвичій монастырь.»

Графъ Уваровъ.

Порѣчье 3 Ноября. 1867.

Въ Московской губерніи извѣстно обыкновеніе хозяекъ вѣшать на нашести, гдѣ сидять куры, горлыши отъ разбитыхъ кувшиновъ. Въ собраніи пословицъ Русскаго народа г. Даля записано: настѣть обвѣшивать битыми кувшинами, куры хорошо нестись будутъ. — Можно кое гдѣ слышать, что эти горлыши отъ кувшиновъ называютъ куричими богами. Между тѣмъ въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи во всякомъ курятникѣ навѣшаны куричыи боги. Но это не горлушки отъ разбитыхъ кувшиновъ, а камни съ натуральнымъ отверстиемъ. Они считаются необходимою принадлежностью курятника, дабы кикиморы не давили куръ. У г. Даля записано: если найти камень съ дырою и повѣсить въ курятникѣ, то куры будутъ цѣлы (Пословицы русского народа стр. 1058). Камни эти собираются по оврагамъ, по рѣкамъ. Узнавъ о семъ обычай, я пожелалъ видѣть этихъ куриныхъ боговъ въ надеждѣ не найдутся ли изъ числа ихъ памятники, относящіеся къ такъ называемому каменному вѣку т. е. нѣть ли въ числѣ ихъ искусственныхъ издѣлій изъ камня?

Не безъ сопротивленія со стороны женской половины, боявшейся за благосостояніе своихъ куръ, съ утратою куричихъ боговъ, добыли для меня нѣсколько штукъ этихъ камней. О большей части ихъ нельзя сказать положительно, чтобы отверстія ихъ были искусственныя, но нѣкоторые явно носятъ слѣды отдѣлки рукъ человѣческихъ. Замѣчательнѣйший изъ нихъ изображающій голову, у которой ясно видѣнъ носъ, просверлины ноздри, означенны уши, видны глаза, представляю при семъ вниманію Археологического общества. Суевѣrie женское, держащееся съ древнихъ временъ, сохранило, можетъ быть, замѣчательные памятники древняго быта. Другой камень—тоже изъ числа куричихъ боговъ — можетъ быть не болѣе, какъ грузило отъ рыболовнаго бредня, но прилагаю и этотъ камень. Первый камень, можетъ быть, не былъ ли и настоящимъ куричимъ богомъ?

Петръ Казанскій.

Августа 10-го

1867 г.

Въ засѣданіи Берлинскаго Археологическаго Общества 4-го іюня 1867. г. Гюбнеръ представилъ гипсовой слѣпокъ золотаго сосуда, находящагося въ Музей въ Бухарестѣ и открытаго въ самой Валахіи. Слѣпокъ этотъ былъ сообщенъ Обществу на разсмотрѣніе въ слѣдствіе благосклонности совѣтника посольства Herr von Pfuel, который присутствовалъ какъ гость. Онъ самъ сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о видѣ оригинала. Эта круглая чаша (*Schale*), имѣющая $9\frac{1}{2}$ дюймовъ въ попечникѣ, вылитая изъ золота массивно, со вѣшней стороны гладкая, внутри богато украшенная рельефами. Внутри въ срединѣ, на подобіе рукоятки (*gleichsam als Griff*), находится небольшая сидящая женская фигура, которая обѣими руками, какъ кажется, держитъ бокалъ (*Becher*). Рельефы (содержащіе въ главной сценѣ 16 фигуръ, окруженныхъ гирляндой изъ виноградныхъ листьевъ и гроздей, внутри около средины лежащей пастухъ съ различными животными) показываютъ нѣсколько знакомыхъ образовъ греко-римского искусства, Аполлона съ лирою и грифономъ, Палкоксилены съ тирсомъ и разныя другія вакхическія фигуры; далѣе сидящія на престолахъ и стоящія женщины съ скіптирами и факелами, которые напоминаютъ быть элевзинскихъ мистерій; наконецъ видно нѣсколько трудно объяснимыхъ лицъ. Г. Гюбнеръ полагалъ, что судя по стилю и изложенію и обращая вниманіе на исторически извѣстную продолжительность римской культуры въ тѣхъ странахъ, это произведеніе должно быть отнесено всего позже (*spätchten*) къ началу третьяго столѣтія (эпохи Септимія Севера). Вмѣстѣ съ тѣмъ должно предполагать, что это работа варварскихъ или полуварварскихъ художниковъ (можетъ быть продуктъ недалекихъ семиградскихъ золотыхъ пріисковъ) по греко-римскимъ образцамъ, но со внесеніемъ варварскихъ деталей. — Напротивъ Г. Фридрикса считаетъ это произведеніе работою Константиновыхъ временъ. Мнѣнія гг. членовъ Общества остались раздѣленными, и г. Мюлленгофъ видѣтъ въ изображеніяхъ варварскіе элементы. Г. Гюбнеръ полагаетъ, что при отсутствіи датированныхъ памятниковъ изъ тѣхъ странъ для сравненія, лучше предварительно отложить мнѣніе объ эпохѣ этого памятника. Владѣлецъ снимка съ памятника дозволилъ его издать, что будетъ скоро сдѣлано, какъ покажется возможнымъ, и приведеть къ всестороннему обсужденію специалистовъ для разрѣшенія многочисленныхъ вопросовъ, которые соединены съ этимъ интереснымъ памятникомъ. (Gerhard's Archäol. Anzeiger 1867, № 222).

— Въ пештскихъ газетахъ сообщаютъ, что во время земляныхъ работъ на проводимой вновь желѣзной дорогѣ отъ Арада въ Алѣвинцъ были обнаружены многочисленныя римскія древности. Кромѣ серебряныхъ и золотыхъ монетъ выкопанъ алтарь изъ бѣлаго мрамора превосходнѣйшей отдали, по бокамъ которого помѣщены замѣчательно выполненные изображенія Вакха и Цереры; кромѣ этого найдено сѣдалище на подобіе трона изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, съ сидящею мужскою фигурой, къ сожалѣнію лишенною головы и рукъ. — Точно также и въ Деешѣ, при перестройкѣ зданія училища найдено было большое количество замѣчательныхъ древностей изъ первыхъ временъ христіянства въ Венгріи; слѣды существованія древней церкви, слу-

жившей потомъ Августинскимъ монахамъ, выказываются съ каждымъ днемъ въ раскопкахъ, порученныхъ вѣдѣнію директора трансильванского музея.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Археологическую Комиссію присланъ изъ Виленской губерніи кладъ серебряныхъ куфическихъ монетъ, найденный крестьяниномъ при копаніи земли въ Дисненскомъ уздѣ и состоящій изъ 120 болѣе или менѣе хорошо сохранившихся экземпляровъ и 15 небольшихъ обломковъ. Древнѣйшая монета этого клада относится къ 277-му году гиджры или 890 — 891 году по Р. Х., позднѣйшая къ 332 = 943—944 г.

Главную часть находки составляютъ, по обыкновенію, саманидскіе диргемы: 1) Исмаила, сына Ахмеда, 2) Ахмеда, сына Исмаила, 3) Насра, сына Ахмеда, и 4) Нуха, сына Насра, чеканенные въ Шашѣ, Самаркандѣ, Балхѣ и Эндерадѣ.

Кромѣ того въ этомъ кладѣ заключаются два диргема аббасидскихъ халифовъ Мутадыдѣ-бильяха и Муктедирѣ-бильяха, выбитые въ Васитѣ, одинъ въ 281 (894—895), другой въ 309 (921) году; двѣ соффариidскія монеты съ именемъ Амра, сына Лейса, битые въ Ширазѣ въ 277 (890—891) и 283 (896 — 897) годахъ, и двѣ бувейгидскія монеты съ именемъ Алія, сына Бувейла, но съ истертными годами и названіями мѣста чеканки.

— Въ Смоленскихъ губерн. Вѣд. № 37 г. Полѣсскій Щипилло сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ открытыхъ развалинахъ древняго храма на восточной сторонѣ Смоленска. Въ первыхъ числахъ Іюля этого года, Контора Орловско-Витебской желѣзной дороги для раскопки камня пріобрѣла покупкою за 15 руб. сер. курганъ, отъ крестьянина, поселенного на государственной землѣ, близъ черты г. Смоленска, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, между слободою Рачевкою и деревнею Шейнъ-Острогъ.—При началѣ раскопки означенного кургана обнаружились стѣны древняго зданія, съ остатками колоннъ, сложенные изъ тонкоплитнаго кирпича, вязаннаго толстымъ слоемъ известковаго цемента. Стѣны зданія, вначалѣ раскопываемыя въ четырехъ ямахъ, обнаружили къ сѣверной или днѣпровой сторонѣ рисунокъ древней, хорошо сохранившейся живописи.

Губернское начальство, по осмотрѣ развалинъ 10-го Іюля, найдя въ разломанномъ сводѣ съ западной стороны кургана изображенія церковной живописи, признало важнымъ сохраненіе мѣстной древности.—Тогда же Начальникъ губерніи приказалъ прекратить ломку стѣнъ зданія рабочимъ отъ конторы желѣзной дороги и поручилъ мнѣ разслѣдованіе развалинъ при тѣхъ средствахъ, которыя были подъ руками.

Изслѣдованія хотя неполныя и неоконченныя обнаруживаютъ однако слѣдующее:

1) Курганъ имѣеть около 300 аршинъ въ окружности и 7 арш. $3\frac{3}{4}$ вершк. высоты; онъ лежитъ на юго-западѣ отъ развалинъ древняго Духовскаго монастыря въ разстояніи около 400—500 сажень, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и представляетъ развалины православнаго храма, котораго построеніе по нѣкоторымъ даннымъ можно отнести къ половинѣ XII вѣка.

2) Храмъ былъ построенъ изъ плитоваго древняго кирпича, выжиги болѣе краснаго и менѣе желѣзняка, различной и неаккуратной выдѣлки; размѣры плитъ, напримѣръ: длина 6 вершковъ, ширина $4\frac{1}{2}$ вершка, толщина 1 вершокъ, $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ вершка; но встрѣчается другая длина и другая ширина; на нѣкоторыхъ плитахъ встречаются ясные и не ясные отиски. Между частями зданія желѣзныхъ скрѣплений не замѣтно.

3) По обилію материала и остаткамъ многихъ сводовъ можно полагать, что храмъ былъ двухъ-этажный, величины значительной, и напоминаетъ здѣшнюю церковь Св. Ап. Петра и Павла, построенную въ 1146 г. Великимъ Княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, что въ особенности изобличаетъ кирпичъ и манера его кладки. Разрушенъ храмъ по видимому взрывомъ пороха, на что указываютъ значительныя части колокольни, отпавшія на обѣ стороны въ косвенномъ направленіи (лѣвая часть колокольни упала на землю своею нижнею стороною), а также неправильное положеніе человѣческихъ скелетовъ, хотя положеніе нѣкоторыхъ костей обнаруживаетъ позднѣйшій перекопъ; также на черепахъ замѣтны признаки насильтственной смерти.

4) Сличая это зданіе съ остатками Духовскаго монастыря, видно, что окружная линія кургановъ относятся какъ 3: 2; высоты кургановъ — какъ 7: 2 (хотя послѣднее менѣе важно); можно полагать, что открываемый храмъ былъ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе Духовскаго храма. Хотя въ отечественной исторіи роль Духовскаго монастыря довольно замѣтна, какъ приධѣпровской пристани Смоленска съ московской стороны; но кирпичъ его изобличаетъ позднѣйшее построеніе, напоминая кирпичъ Смоленской крѣпости. — Въ планѣ осады Смоленска въ 1633 и 1634 годахъ Духовскій монастырь значится прилегающимъ къ лѣвой сторонѣ передовыхъ редутовъ Короля Владислава противъ кургана Шейна; слѣдовъ же открываемаго теперь храма невидно; это мѣсто повидимому было занято батареями Владислава. Эпоха разрушенія значительного числа Смоленскихъ храмовъ относится къ 1610 году (донесенія Шеина и Горчакова Боярской Думѣ въ этомъ году, изданныя въ актахъ Арх. Ком.).

5) Текущія раскопки обнаруживаютъ, что западная сторона храма строена безъ основнаго бута, а восточная съ бутомъ; о другихъ же сторонахъ храма еще неизвестно.

6) Окружная почва площади и восточныхъ гористыхъ зарослей обнаруживаетъ древнее городское поселеніе, хотя по историческимъ актамъ со временемъ литовскихъ, эта и прилегающія мѣстности значатся то посадами, то слободами; историческое время застаетъ Смоленскъ въ теперешней Свирской слободѣ, т. е. на западъ отъ нынѣшняго города; но это обстоятельство требуетъ болѣе подробныхъ изслѣдованій.

7) Нѣсколько признаковъ въ развалинахъ храма обнаруживаютъ періодъ варяжскій (т. е. конецъ языческаго и начало христіанскаго Смоленска), и даже два признака выказываютъ присутствіе въ этой мѣстности древне-славянскихъ священныхъ дубровъ; подробному изложенію этихъ признаковъ не позволяетъ объемъ этой записки, и положительныя заключенія объ такомъ важномъ дѣлѣ я считаю еще весьма преждевременными.

8) О названіи исчезнувшаго храма положительно сказать теперь невозможно; эти развалины могли принадлежать храму Косьмы и Демьяна или другому храму; хотя въ Историко-Статистическомъ обозрѣніи Смоленской епархіи (изд. 1864 г.) и значится мѣсто храма Косьмы и Демьяна въ противопожной части города Смоленска, но это обозначеніе бездоказательно и не выдерживаетъ серьезной критики.

Раскопки настоящаго времени происходятъ съ западной стороны зданія, съ цѣллю постепенного разширенія вокругъ; начало раскопокъ обнаруживаетъ остатки довольно узкаго крыльца, распавшейся колокольни и отброшенныхъ треугольныхъ плитокъ штучнаго пола изъ тиглевой глины, находящихся въ 20 арш. къ западу отъ кургана въ черноземѣ площади (всѣ плитки прямоугольно — равнобедренные треугольники, т. е. четверти квадрата).

— Въ двѣнадцати верстахъ отъ Бѣлостока, въ тридцати отъ Прусской границы чрезъ Ломжинскій уѣздъ, у Неводницкаго костела, посвященнаго Святой Троицѣ, на старенькой колокольнѣ, 21-го сего юля нашелся колоколъ со слѣдующею на немъ славянскою въ двухъ строкахъ надписью: *Д. въ лѣто 3 ное Ц сотъ КИ созданъ бысть колоколъ святей Троици по + велѣніемъ раба Божія пана Шедивора Волимонтовича. А мастеръ Устякъ.*

Такой любопытный памятникъ русской древности (1420 г.) сохранился благодаря просвѣщенному взгляду г. настоятеля Неводницкаго костела, ксендза-каноника Іосифа Малышевича.

— Г. Предтечевскій сообщилъ намъ слѣдующую замѣтку о двухъ колоколахъ Казанскаго собора въ Москвѣ: въ 1866 г., когда вмѣстѣ съ прочими зданіями, принадлежащими Московскому Казанскому собору, поправляли и колокольню его, тогда привелось видѣть намъ снятые по давней неупотребительности для церковнаго богослуженія два небольшихъ колокола, одинъ въ 15 пудъ и другой въ 6 пудъ, — оба разбиты и безъ языковъ. По формѣ колокола эти одинаковы и очень похожи на обыкновенно употребляемый для цвѣтовъ горшечъ, — высокіе, узкіе и только къ краю особенно разширяющіеся. Оба съ одинаковыми почти надписями церковной вязью. На большемъ колоколѣ читается слѣдующая надпись: «*Бѣжнєю мати. побѣденнѣмъ. гдѣа. цѣла. и великою, кнѧзя. михаїла. федоровича всѧ рѹснї самодержца. слнцъ снї колоколъ, к цркви новоукленного образа прѣтыѣ б҃дї. казанска»* лѣта 709 (1637) годъ; на меньшемъ же: *1639* году слнцъ снї колоколъ к цркви новоукленной. образа прѣтыѣ б҃дї. казанскогъ» Колоды эти, такимъ образомъ, могутъ служить доказательствомъ построенія собора въ этихъ годахъ Михаиломъ Феодоровичемъ.

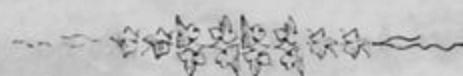

ГГ. ЧЛЕНАМЪ МОСКОВСКАГО АРХЕО-
ЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И КО
ВСЪМЪ ЛЮБИТЕЛЯМЪ ОТЕЧЕСТВЕН-
НЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

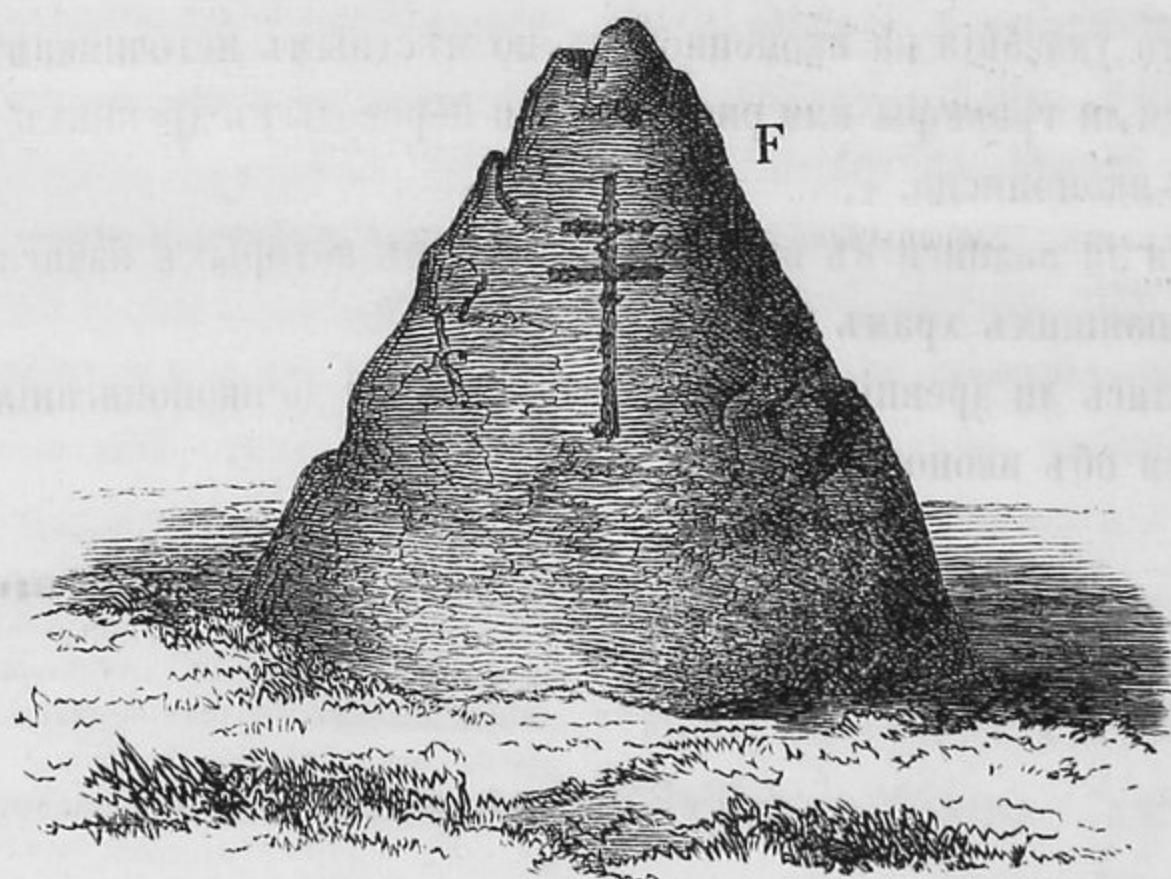
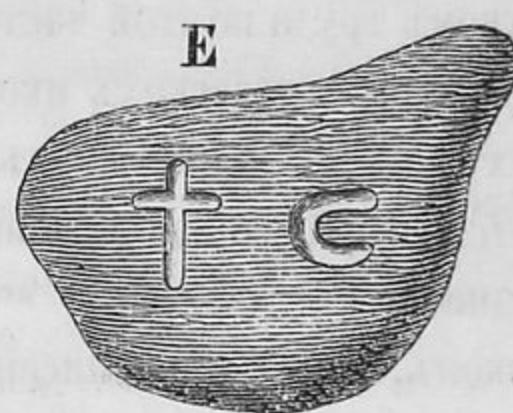
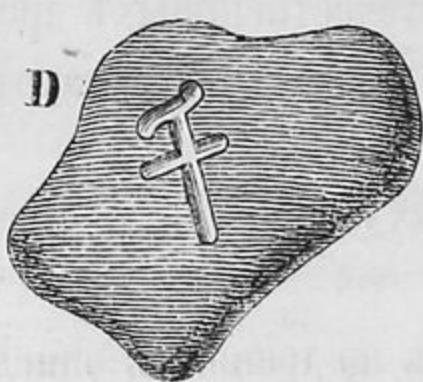
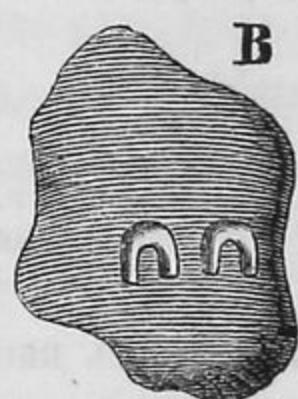
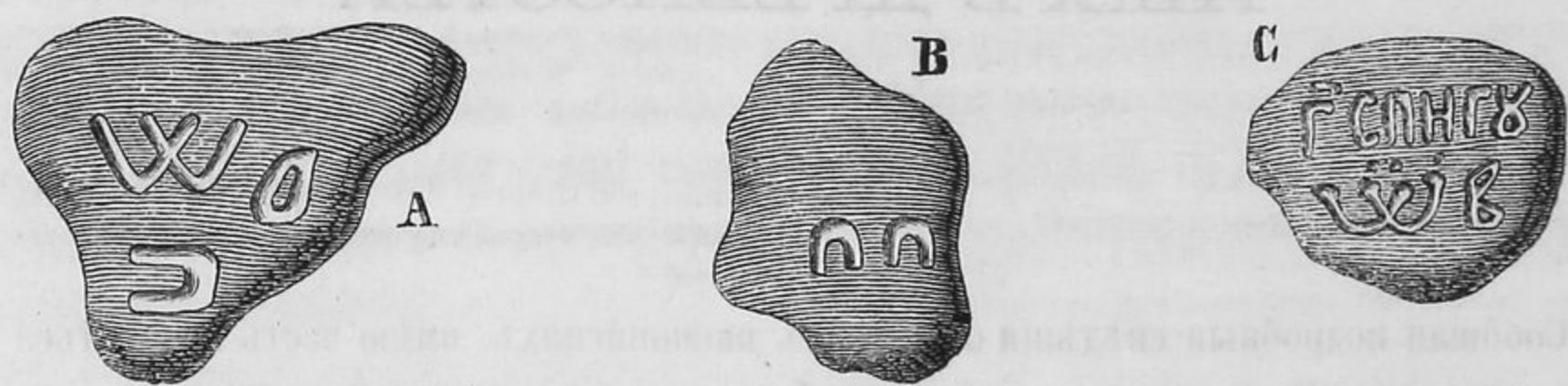
Сообщая подробныя свѣдѣнія о русскихъ иконописцахъ, имѣю честь обратиться ко всемъ нашимъ Членамъ и ко всемъ любителямъ отечественной старины съ покорнейшею просьбою, сообщить мнѣ всѣ имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о русскомъ иконописаніи. Для лучшаго уясненія моей просьбы, я ставлю въ видѣ вопросовъ тѣ именно свѣдѣнія, которые желалъ бы получить для предпринятаго Московскимъ Археологическимъ Обществомъ труда по этой части нашихъ отечественныхъ древностей.

- 1) Имя русскихъ или греческихъ иконописцевъ, коихъ иконы находятся въ соборахъ, въ церквяхъ или въ монастыряхъ.
- 2) Не находятся ли на иконахъ древнихъ: имя художника, или годъ, или другая какая-нибудь надпись.
- 3) Нѣтъ ли иконъ, коихъ иконописецъ извѣстенъ по древнимъ описямъ или по какимъ-нибудь другимъ источникамъ.
- 4) Біографическія свѣдѣнія объ иконописцахъ до начала XVIII вѣка; жизнеописанія ихъ или просто указанія на иконописцевъ по мѣстнымъ источникамъ.
- 5) Не находятся ли гравюры или рисунки, или переводы съ древнихъ иконъ съ обозначеніемъ имени иконописца.
- 6) Ненайдутся ли надписи въ внутри храмовъ, въ которыхъ изчислены имена художниковъ, украшавшихъ храмъ живописью.
- 7) Не сохранились ли древнія рукописи, относящіяся до иконописанія, или въ которыхъ упоминается объ иконописаніи.

Графъ Уваровъ.

Рисунки къ статьѣ гр. К. П. Тышкевича (выше, стр. 154—160).

логическомъ указателѣ помѣщены списки новѣйшимъ сочиненіямъ, изданнымъ въ Европѣ по части классической археологии.

Mittheilungen der K. K. Central Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. Redacteur: Anton Ritter von Pergen. XII. Jahrgang. Januar-Februar. Wien. 1867. 4° съ гравюрами и политипажами.

Центральная Комиссия для изслѣдований и храненія архитектурныхъ памятниковъ Австріи уже двѣнадцатый годъ издаѣтъ журналъ, специально посвященный изученію многочисленныхъ древностей разнообразныхъ странъ, соединенныхъ подъ скіпетромъ Австрійской монархіи. Не смотря однако на специальное назначение этого журнала, содержаніе его очень разнообразно, именно въ слѣдствіе разнообразія народностей и культуръ Австріи. Монументальная древности Австріи относятся къ эпохѣ до исторической, во временемъ владычества Римлянъ въ этихъ странахъ, къ древне-христіанскому періоду и наконецъ къ среднимъ вѣкамъ, которымъ журналъ этотъ посвящаетъ особое вниманіе. Поэтому ученые найдутъ въ немъ любопытные и серьезно обработанные материалы для археологии всѣхъ вышеозначенныхъ періодовъ. Превосходно исполненные гравюры, хромолитографіи и политипажи поясняютъ текстъ. Въ январскомъ и февральскомъ выпускѣ нынѣшняго года, неговоря о специально интересныхъ для истории средневѣковаго искусства статьяхъ, въ особенности замѣчательны двѣ статьи: извѣстный знатокъ византійской архитектуры въ Сербіи, Ф. Каницъ представилъ новыя свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся на берегахъ сербскаго Дуная отъ Праово до Градища (*Beiträge zur Alterthumskunde der serbischen Donau von Praovo bis Gradište*). Особое вниманіе обращаетъ онъ на римскія древности этихъ странъ, съ которыми такъ часто связано имя Императора Траяна. Любопытна замѣтка, помѣщенная въ концѣ этого выпуска, о способѣ сооруженія дольменовъ, основанная на статьѣ, помѣщенной въ Копенгагенскомъ журналь: *Antiquarisk Tidskrift*.

Revue de l'art chrétien. Recueil mensuel d'archéologie religieuse, dirigé par M. l'abbé I. Corblet. Onzième année, № 1 et 2. Janvier et Février. 1867 Arras et Paris.

Журналъ аббата Корблэ имѣеть цѣлью популярнымъ изложеніемъ вопросовъ христіанской археологии обратить вниманіе французской публики на многочисленные памятники христіан-

скаго искусства, которыми такъ богата Франція, содѣйствовать въ уразумѣнію ихъ значенія и вообще пробудить, посредствомъ вопросовъ, касающихся искусства и христіанской древности. религіозный духъ въ этой странѣ. Не смотря на то, что статьи этого журнала не преслѣдуютъ строго-научной цѣли, и часто отличаются клерикальнымъ направленіемъ, участіе такихъ сотрудниковъ, какъ напр. извѣстный эпиграфистъ Франціи Лебланъ, не можетъ не придавать научной цѣли этому изданію.

Въ первой книжкѣ помѣщена первая статья Графа Гимуара де Сенъ-Лорана объ иконографіи св. Иоанна Крестителя, въ которой автору источникомъ служили даже произведения живописцевъ временъ Возрожденія (*renaissance*), и начало интересной статьи каноника Ванъ-Древала объ аррасскихъ коврахъ. Статья аббата Обера: *Histoire et théorie du symbolisme religieux* (3-тие article) весьма странна, чтобы не сказать еще болѣе.

Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie. Sixième année. Janvier et Février 1867. Bruxelles. C. Miuardt.

Официальное изданіе Бельгійского Правительства даётъ отчёты о реставраціяхъ старинныхъ зданій этой страны, о состояніи художественныхъ собраний, о путешествіяхъ, совершаемыхъ съ археологическою цѣлью хранителями коллекцій государства и т. п. Къ этому официальному отдѣлу присоединяются въ каждой книжкѣ журнала оригинальные статьи, описывающіе археологическія достопамятности Бельгіи. Статьи эти, въ слѣдствіе тщательной обработки, получаютъ часто значение и для читателей виѣ предѣловъ Бельгіи. Таковы въ первой двумъячной книжкѣ нынѣшняго года двѣ статьи: Археологическая замѣтка по поводу печати римскаго окулиста, открытой въ Геерленѣ, между Ахеномъ и Маастрихтомъ, соч. Йоз. Абэ (*Jos. Nabets*) и замѣтка о старинномъ вышиваніи (*tapisserie*), найденномъ въ ракѣ св. Ландри въ Сони, статья Каноника Войзена, съ хромолитографическимъ рисункомъ. Въ первой авторъ воспользовался всѣми новѣйшими изслѣдователями, даже и нѣмецкими писателями, что довольно рѣдко встречается у французскихъ авторовъ, для объясненія значенія надписей, нынѣ довольно многочисленныхъ, находимыхъ на печатяхъ римскихъ окулистовъ; во второй ученый каноникъ знакомить насъ съ чрезвычайно любопытными и рѣдкими средневѣковыми памятниками, который по стилю напоминаетъ намъ важныя и для русской археологии (*Tapis*) ковры города Бауенъ, обыкновенно приписываемые королевѣ Матильдѣ, супругѣ Вильгельма Завоевателя.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

выходитъ 6-ю выпусками въ годъ, въ объемѣ 6 листовъ.

Цѣна четвертому выпуску 1 р. с.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги, ст. И. И. Срезневскаго (съ 5-ю рисунками); Лабарумъ Константина Великаго, ст. П. С. Казанскаго; Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ, ст. А. В. Брыкина; О греческой кормчей древняго состава, ст. арх. Амфилохія (съ рисункомъ); Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи, статьи: П. Ревякина и А. А. Котляревскаго; (съ тремя политипажами); Критика и библіографія, статьи: П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденція; Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ); Приложение: Засѣданія Московскаго археологическаго общества № 1, 2 и 3 (съ политипажами).

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА.

Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ — статья члена осн. А. С. Уварова. (съ политипажемъ), Два надгробные камня, открытые на Таманскомъ полуостровѣ, — статья чл. осн. К. К. Гёрца (съ рисункомъ), Для истории древне-славянскаго наряда, — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгардта. Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, статья д. члена Д. О. Шеппинга (съ рисункомъ), Монеты съ надписью Василія и Ивана Ивановичей, — статья чл. о. Д. П. Сонцова (съ двумя политипажами), Критика и библіографія, статьи чл. о гр. А. С. Уварова о сочиненіи Пипера: „JOHANNES DER TÄUFER IN GRIECHISCHEN KUNSTVORSTELLUNGEN“, статьи: чл. о К. К. Гёрца и д. чл. А. А. Котляревскаго; Археологическія извѣстія и корреспонденція, статьи: г. Падрена де Карне и А. А. Котляревскаго (съ четырьмя политипажами); К. А. Морло, объ археологическихъ трудахъ его, — ст. д. чл. А. А. Котляревскаго. Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ).

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленияхъ — статьи дѣйств. чл. А. А. Потебни; О. древностяхъ заволочской Чуди печорского края — статья дѣйств. чл. Э. И. Эйхвальда. Замѣтки по литературной археологіи 1) бронтологіи и астрологическія предвѣщанія 2) Гермесъ Трисмегистъ — статья дѣйств. чл. А. Н. Пыпина; критика и библіографія: ст. дѣйств. чл. А. Н. Аѳанасьева о сочиненіи FUSTEL DE COULANGES'А—LA CITÉ ANTIQUE. статьи: дѣйств. чл. В. Е. Тизенгаузена, П. И. Лерха и чл. осн. К. К. Гёрца. Археологическія извѣстія и корреспонденція — статья дѣйств. чл. гр. Е. П. Тышкевича, П. И. Лерха, В. Е. Тизенгаузена и др. (съ четырьмя политипажами)

Цѣна 1, 2 и 3-му выпуску по 1 руб. с.

Печатано по определенію Общества.

Типографія Грачева и Ко у Пречистенскихъ воротъ д. Милюковой.

